

Владимир Григорьевич Колычев

Невеста мафии

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=278882
Невеста мафии: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39751-8*

Аннотация

Когда сыщики влюбляются – преступникам становится некомфортно вдвойне.

Буря чувств и океан страстей сметают на своем пути любые злодейские преграды, уловки и козни! Один минус: любовная нега затуманивает взгляд, и даже опытный опер порой не замечает очевидного...

Так и капитан милиции Петрович, лежа в больнице с простреленной ногой, начал приударять за медсестрой Лидочкой. И думал он о чем угодно, но только не о последствиях этого флирта. И вдруг Лидочка бесследно исчезает. Похоже на то, что ее похитили торговцы женской красотой, на счету которых несколько убийств в подпольном стриптиз-клубе. И вот Петрович, как говорится, рвет чеку. Теперь его не остановит ничто. На розыски любимой он готов отправиться к черту на кулички – на сибирские золотые прииски, в самое разбойничье гнездо, где шансов остаться в живых – почти никаких...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Колычев

Невеста мафии

Часть первая

Глава 1

Кто покойников боится, тот для службы не годится... Сам придумал, сам озвучил. Юрка одобрительно улыбнулся. Ему нравилось мое бодрое, а значит, и боевое настроение. И еще он сказал, что бояться нужно живых. Как будто я и сам этого не знал...

А еще я знал, что некоторые кладбищенские сторожа неплохо зарабатывают на криминальных трупах. Схема проста – нежданно или «чаянно» убил человека, привез тело на погост, договорился с местным бюро неформально-ритуальных услуг, расплатился с ними по тарифу, не согласованному с налоговой службой, и будь здоров – если, конечно, угрызения совести не доведут до больничной койки. А сторожа уже знают, что делать дальше: раскроют старую забытую могилу, смешают свежее тело с прахом давно усопшего, землю и памятник вернут на место, аккуратно уложат срезанный дерн, чтобы скрыть новое захоронение. Разве что священника не позовут, чтобы отпеть покойника. Хотя, кто его знает, может, у этих лихоимцев в их тайном прејскуранте существует и такая графа, чтобы и батюшку с кадилом заказать. Любой каприз, вплоть до гарантированной экспресс-доставки души в рай бизнес-классом, только плати...

Единственно, чего наверняка не могло быть в этом кладбищенском прайсе, так это – острых ощущений от недружественной встречи с опергруппой уголовного розыска. Что ж, придется подать себя бесплатно, но с высоким качеством оказания незапланированной услуги. Если, конечно, этой ночью кладбище примет на свой вековечный баланс еще одного постояльца.

Это была его, Юркина идея – поднять показатель раскрываемости убийств за счет неучтенных покойников. Затея, может, и не самая глупая, но несанкционированная сверху, а значит, поддержать ее мог только доброволец вроде меня. Натура у меня такая – денег не плати, дай только подержаться за горло какого-нибудь изувера. И семьи у меня нет – некому пилить за прогулы в супружеской постели. В общем, если кого и мог подбить Юрка на такую авантюру, так только меня одного. Вот он мною и воспользовался. Потому-то и готов откликнуться на любую мою шутку. Или на какую-нибудь «байку из склепа», в чем я, признаться, не силен.

Хотелось бы, чтобы байка эта сказывалась. Вот появится неурочный заказ у создателей и хранителей кладбищенских тайн, примут они труп, чтобы предать его земле, а тут мы с Юркой и объявимся. Лицом вниз, руки на затылок, а затем в отдел – на допрос, чтобы свежая кладбищенская байка обросла силой протокола. И жертва тогда будет, и убийца, а значит, появится полновесная палка в графе раскрываемости, аккуратно накануне министерской проверки. В звании нас, может, и не повысят, но благодарность наверняка объявят. А лишний бонус, как известно, в личном деле не помеха...

Но, похоже, если кого-то этой ночью здесь и похоронят, так это нашу надежду на раскрытое убийство. Кладбищенская тишина это сделает под немой смех покойников. Половина четвертого утра уже, вот-вот светать начнет, а мы с Юркой все пустые щи лаптем хлебам. Тихо в сторожке, свет в окне давно уже не горит – спят ее обитатели, хоронят кого-то во сне под траурный аккомпанемент собственного храпа. Да и у меня, если честно, глаза

уже слипаются. Хоть бы какой покойник объявился. Предрассветный час – это как раз такое время, когда мертвецы возвращаются в свои могилы из самовольной отлучки. Вот бы вышел сейчас на нас такой гуляка, нагнал бы жути, да так, чтобы извилины дыбом, чтобы сон как рукой. Но тихо вокруг, только ветер в кронах деревьев шелестит... Или это чьи-то души меж собой перешептываются. Возможно, так оно и есть, но мне почему-то совсем не страшно. Может быть, обида страх глушит. Обида на то, что не удалась ночная охота. Нам свежий труп нужен, а витающие над нами души старопреставленных в графу раскрываемости не впишешь.

– Да, не повезло сегодня, – глянув на часы, уныло протянул Юрка. – Уходить надо.

– Может, просто поспим?

Я чуть ли не с нежностью обнял гладкий, пахучий ствол осины, приложился к нему щекой. Закрывать бы глаза и спать, спать. И плевать, что под ногами могилка, из которой мог вылезти старшина мертвецкого полка, чтобы вычислить и взять на карандаш смердящих самовольщиков.

– Оставляйся, а утром я за тобой заеду, – насмешливо подмигнул мне Юрка.

– И небритого, немытого отвезешь на службу. Спасибо тебе, добрый друг.

– Может, под тобой цирюльник лежит. Расчешет тебя, побреет, сбрызнет одеколоном...

– А тут сутенеров нигде не хоронили? Может, мне и девочку приведут? – тем же шутивым тоном спросил я.

– Давай, поднимайся, некро...

Юрка не договорил. Подняв указательный палец, он застыл, как железобетонный пирс, нацеленный на то, чтобы разрезать надвигающуюся волну. Видимо, его чуткий слух уловил то, чего не смог заметить я. Был бы я молодым лейтенантом, по простоте душевной мог бы спросить, что случилось. Но у меня по четыре звездочки на погонах и девять лет розыскного стажа, поэтому я затих вместе со своим напарником. И очень скоро услышал шум автомобильного мотора, а чуть погодя – шелест покрывшек.

Еще до того, как в подлунной темноте очертился силуэт подъезжающего автомобиля, в старом полукруглом здании с арочными окнами зажегся свет. Просто так машина на территорию кладбища не могла заехать, ее мог пропустить сторож на воротах, он же, наверное, и позвонил своим коллегам, чтобы те встречали гостей.

Именно на это мы с Юркой и рассчитывали, когда брали под наблюдение сторожку. Подъедет к ней транспорт с мертвым грузом или нет, но только отсюда могли выйти ночные землекопы, а уже в каком направлении они пойдут и для чего, мы и должны были выяснять. Проследить за ними, выйти на труп и тех, кто его доставил, – вот такая у нас была задача.

Но больше нас устраивал вариант, по которому тело доставили бы прямо к сторожке. Судя по всему, все к этому сейчас и шло: машина подъехала прямо к зданию, от которого нас отделяло метров пятнадцать. Это был мини-вэн иностранного производства без видимых знаков обозначения на борту. Юрка нацелил на него узконаправленный микрофон – чтобы слышать и записывать на пленку предстоящий разговор. Прибор громоздкий, энергоемкий, из серии «тяжмаш-спецтех-доработайнапильником». При включении прибор опасно загудел, а когда Юрка поставил его на запись, то и заскрипел – с таким звуком наматывалась на ролики магнитная пленка родом из прошлого тысячелетия.

К счастью, подозрительный шум затерялся в шорохах кладбищенской флоры и не смог потревожить слух людей, вышедших из машины. Их было двое, и лицо одного я даже смог разглядеть – в электрическом свете, хлынувшем на него из открывшейся двери сторожки. Массивный покатым лоб, тяжелокостные надбровные дуги, узкие щелочки глаз, широкий приплюснутый нос. Багровые рубцы так уродовали его подбородок, что можно было сказать по-разному – или шрам имелся на нем, или сам подбородок размещался на шраме: и так и сяк было бы правильно. Руки короткие, но мощные, крепкое массивное тело уверенно

держалось на сильных ногах. Кепка-бейсболка, спортивный костюм, а во что парень был обут, я рассмотреть не смог: высокая трава неухоженного газона закрывала его по колено.

Из сторожки вышел низкорослый мужичок бомжеватого вида. Испитое лицо, распухшие от пьянок надбровья, деформированный нос.

– Стоять!

Парень в бейсболке брезгливо поморщился, унюхав неприятный запах, толстым коротким пальцем предостерегающе ткнул сторожа в грудь. Он не хотел, чтобы этот пропойца приближался к нему, и, казалось, готов был убить его за неверный шаг.

– Жить хочешь? – буднично-утомленным тоном спросил парень.

– А-а... да, да, – нервно закивал мужичок.

– Тогда держи...

Парень вынул из кармана деньги, сунул их сторожу в руку. А его спутник тем временем вытащил из багажника и сбросил прямо на землю нечто, напоминающее человеческое тело.

– А-а... Что-то мало здесь... – подсчитав гонорар, жалко выразил свое возмущение сторож.

– Маловато будет, – подтвердил его помощник, только что вышедший в кладбищенскую ночь.

– Ничего, натурой доберете, – хохотнул парень.

– Она еще горячая, не остыла, – с тем же цинизмом добавил его спутник.

Из-за надгробия слева я не мог разглядеть очертания лежащего на земле тела. Но, судя по разговору, речь шла о женщине. И еще я понял, что предполагаемые убийцы собираются уезжать.

– Пора! – легонько толкнув меня в плечо, шепнул Юрка.

Мой табельный «макаров» сидел в руке, будто врос в нее. Стрелять я умел и даже причислял это дело к своим немногочисленным хобби, но хотелось надеяться, что задержание обойдется без пальбы. Все-таки кладбище, место святое для всех, потому как всем нам предстоит покоем в земле. И грешное дело – нарушать вечную тишину суетными выстрелами.

Юрка сам назначил себя старшим в нашей паре, я, в принципе, не возражал, хотя и был ему ровней. Он подал мне сигнал к действию, я откликнулся, пошел за ним, но по пути к цели опередил его. Не хочу хвастаться, но задержание – мой конек. Каким бы страшным ни казался противник, не всегда смело, но с неизменным упрямством я шел напролом как бронебойный таран. Иногда я продвигался вперед с такой стремительностью, что действие опережало сознание. Но какое это было действие... Так случилось и сейчас. Парень в бейсболке мог оказаться достойным противником, но я не оставил ему ни малейшего шанса оказать сопротивление. Подскочил к нему верхом на эффекте внезапности, вывалился на него прямо из седла. Резкий и мощный толчок плечом с одновременной блокировкой ног – одним словом, таранный удар, на котором сознание должно было догнать действие и целиком подчинить себе мои двигательные-мышечные механизмы. Там уж я бы решил, что делать дальше – добивать противника или сразу паковать его в наручники.

Но беда в том, что я вдруг потерял из виду сбитого с ног противника. И виной тому был Юрка, который попытался психологически ошарашить парня, выгрузившего из машины труп.

– Стоять! Уголовный розыск! – гаркнул он во всю мощь своих голосовых связок.

Я ничуть не сомневался в способностях своего друга и соратника, и наверняка к одному задержанному присоединился бы второй, если б не досадная случайность для нас и закономерность для вражеской стороны.

Откуда-то со стороны кладбищенской аллеи, тянувшейся от ворот мимо часовенки, раздалась автоматная очередь, и проснувшееся сознание на пару с недремлющей интуицией хоть и со скрипом, но запустили во мне механизм самосохранения. Переключившись на

стрелка, я нырком упал на землю – хотелось бы, чтобы все это выглядело эффектно – перекач через плечо, стремительная и меткая стрельба с двух рук. Но при падении я больно ударился правым локтем о бордюр и пересчитал затылком железные прутья могильной ограды. И все же посадку можно было назвать удачной. Во-первых, пули прошли у меня над головой, а во-вторых, я сумел удержать в отбитой руке пистолет. И за дерево закатиться смог. Встал на колено и с двух рук произвел несколько выстрелов по мелькавшим в темноте огонькам.

Автоматчик вычислил мое укрытие, выпустил в мою сторону длинную очередь, но только одна пуля причинила вред, и то косвенно: выбила из древесного ствола щепку, которая занозой впилась мне в щеку. Сущий пустяк по сравнению с возможной свинцовой инъекцией, да и не сразу я заметил эту мелочь.

Я остался жив, но невидимый стрелок все же сделал свое дело. Пока я отбивался от него, несостоявшиеся арестанты забрались в свой мини-вэн и дали, что называется, копоты. Я выстрелил им вслед, после чего затворная рама моего «макарова» застопорилась в оттянутом положении. Пока возвратил ее в исходное положение, пока сменил обойму, преступники на малом ходу проехали мимо автоматчика, и сразу же все стихло. Похоже, он запрыгнул в машину, которая стала стремительно набирать ход. Двигатель мощный, не один лошадиный табун, приемистый, а опасность за спиной не самая страшная – одинокий «ПМ» с последней обоймой... Кстати, а почему не слышать Юрку?

Только сейчас до меня вдруг дошло, что мой напарник никак не реагирует на происходящее. Ни выстрелов, ни окриков с его стороны. Или трусил Юрка, или... Лучше бы он показал страуса, зарыл бы голову в песок от страха и ждал, когда все закончится. Но не таков был мой друг... Значит...

Не хотелось думать о плохом, но жуткая мысль ледяным холодком обдала мне спину. А скоро, без пользы израсходовав свой боекомплект, я увидел и самого виновника моих тревог.

Юрка лежал в позе, неестественной для живого человека. Голова запрокинута назад и свернута в сторону. Обе руки согнуты в локтях на излом, правое предплечье направлено к голове, левая ладонь под бедром. Одна нога конвульсивно вытянута, другая на вывихе подвернута под себя. Живому человеку было бы больно так лежать, но мертвому все равно...

Была еще надежда, что Юрка ранен и без сознания. Подумаешь, пулевое отверстие по центру грудной клетки. Сердце, возможно, не задето, а дырку в легких можно и залатать... Но, увы, Юрка не дышал, и пульс на шее не прощупывался.

Это была катастрофа!

– Юрка, ты чего?

Даже у мужчин случается истерика. Чем они сильнее духом, тем слабее проявляется она. И тем не менее... Не хотелось верить, что Юрки больше нет. И еще меня душила вина за то, что с ним случилось. Почему он, а не я?..

Я смахнул с его лба нависшую прядь, той же рукой провел по набухшему вдруг и зачесавшемуся кончику своего носа. Не время колотить себя в грудь, когда дорога каждая секунда.

Первым делом я связался с дежурной частью нашего отдела, вкратце изложил суть произошедшего и попытался дать описание мини-вэна, в котором скрылись преступники. Для этого мне пришлось поставить на обратную перемотку свою память... Вот машина удаляется от меня. Номерной знак с подсветкой, также по центру – фирменный логотип «Мерседеса» – трехлучевая звезда в круге. Слева на той же крышке багажника – английские буквы с обозначением модели автомобиля. Четыре буквы, но какие, хоть убей, не помню. Но вспомню обязательно, как только увижу точно такую же модель, а может, и раньше... Первая буква на номере «о», цифровое обозначение – три «нуля», далее «х»... Последнюю букву я не запомнил, но можно было догадаться, потому как парни из этой машины ухи поели основательно... Цвет кузова – темно-серый металлик.

Информацию о происшествии, ориентировку на машину я передал майору Яремову, лучшему оперативному дежурному нашего отдела. Я был еще сержантом патрульно-постовой службы, когда он уже получил звание майора. Пусть он и застрял на этой одной звезде, но дело свое знал четко. И не мне объяснять, кому нужно звонить, кого поднимать, кому докладывать. А пожелание типа «Давай, Коля, давай! Найди этих уродов!» лучше разжевать и выплюнуть вместе с останками умершей истерики.

Юрка мертв, его не воскресишь, но отомстить за него можно. Если план перехвата не сработает, то преступников можно будет найти по тем следам, которые они посеяли на месте преступления. Оперативно-розыскные мероприятия – дело серьезное, и плясать нужно было от печки, в топке которой я побывал. Верней, от разбитого корыта, возле которого я оказался.

Юрка стал жертвой одной-единственной пули, рана, увы, оказалась смертельной. Убийца, судя по всему, скрылся на машине вместе с людьми, которые доставили труп...

Тело, лежащее на земле в том месте, где недавно находилась машина, представляло для меня следующий отправной момент. Поскольку именно из-за него разгорелся весь этот сыр-бор. Факт преступления, повлекший за собой не менее трагическое продолжение.

Это действительно был труп женщины. Вернее, девушки. И какой девушки... Роскошные, сплетенные в длинную тугую косу волосы, шикарные брови, большие глаза, широко-скулое эталонной красоты лицо. И фигура – лучше не смотреть, чтобы не залюбоваться и оттого не потеряться во временном и эмоциональном измерении. Из одежды только купальник – минимального, если не сказать, символического размера, серебристый, с блестками, на ногах пластиковые босоножки с высоким плетением, на шпильке и с высокой прозрачной подошвой.

Глаза у нее были закрыты так, будто она спала. И выражение лица такое, будто смерть к ней пришла во время сна. Если так, то снился ей хороший сон, в котором она кому-то дарила игриво-милую улыбку... Поразительно! Какой, к черту, мог быть сон, когда ее душила удавка или висельная петля? Ее лицо должно было выражать как минимум предсмертный ужас.

Я осветил ее фонариком с головы до ног, но нигде не нашел пулевого отверстия или ножевой раны. Зато обнаружил странгуляционную борозду на шее. Но это было еще не все. Голова лежала на боку противоестественно, так, как будто были сломаны шейные позвонки.

Преступник мог просто свернуть ей шею. Лично я знал один верный способ, как сделать это голыми руками. Но странгуляционная полоса свидетельствовала о том, что убили ее посредством удавки. Есть такие мастера, которые, затянув петлю на шее, тут же и убивают, ломая позвонки. Быстрая смерть, но вряд ли гуманная... Но был еще один вариант. Девушка могла покончить жизнь самоубийством. Правильно влезла в петлю, грамотно шагнула в пропасть под ногами – резкий рывок, невыносимая нагрузка на позвонки с последующим переломом, мгновенная смерть и скорая встреча с бесславным коллективом неприкаянных душ.

Но ведь девушке могли помочь повеситься. Сколько на свете таких добрых людей, готовых помочь ближнему в столь ответственном деле. И одного из таких я видел сегодня в лицо. Второго пытался задержать Юрка, а третий его за это убил...

Суицид не скрывают. В таких случаях вызывают милицию, получают обратно обследованный труп с соответствующим заключением о смерти, чтобы похоронить его на законном основании. А эту бедняжку привезли на кладбище, чтобы предать земле втайне от всех, без всяких церемоний, как бесхозную собаку. Мало того, подлец в бейсболке даже призывал сторожей надругаться над ее мертвым и еще только остывающим телом.

– Вот тебе и девочка от мертвого сутенера, – вслух подумал я, вспомнив наш последний разговор с Юркой. – Накаркали, черт!

Девочка есть, а сутенеры, увы, еще живые... Возможно, это и в самом деле были сутенеры, потому как девушка, судя по всему, при жизни исповедовала легкость полового бытия. Или проституткой была, или стриптизершей, или то и другое. Но наверняка деньги за свои

услуги она брала немалые. Слишком уж хороша она была для уличной дешевки... Впрочем, это всего лишь мои предположения; что и как было на самом деле, покажет расследование. А пока что мне нужно было заняться сторожами, которые получили деньги, но так и не успели их отработать.

Низкорослый мужичок с испитым лицом безжизненно лежал у входа в сторожку, уложив голову на нижнюю ступеньку полуразрушенного крыльца. Глаза широко раскрыты, рот перекошен, с уголка губ за шиворот тонко струилась кровь, на грязной, некогда белой рубашке растеклись два багровых пятна. Два пулевых отверстия – грудь и живот. Но у этого типа был еще как минимум один помощник.

Гробокопатель обнаружился в глубине сторожки, в темной, сырой и провонявшей комнате за дощатым ящиком, очень похожим на тот, в котором доставляется из армейских недр «двухсотый» груз. Забился в угол, закрыл лицо руками и трясется, как отрубленный собачий хвост.

Осмотрев комнату, я никого больше не обнаружил. И со сторожем решил пока не общаться. Я не стал отнимать рук от его лица, просто взял и защелкнул на левой один браслет наручников, другой прикрепил к ручке на торце ящика. Пусть пока сидит, ждет своей очереди, которая обязательно до него дойдет.

Я уже понял, что имел дело с очень серьезным противником. Парень в бейсболке и его дружок оказались предусмотрительными, а значит, и опытными преступниками. Прежде чем подъехать к сторожке, по пути к ней они сбросили в прикрытие человека с весьма солидным оружием. Автомат это был или пистолет-пулемет, покажет экспертиза, но то, что погиб капитан Стеклов, говорило само за себя... И Юрки больше нет, и преступники ушли. Кошмар.

Можно было бы прямо сейчас начать детальный осмотр места происшествия. Возможно, из кармана парня, сбитого мною с ног, что-то вылетело – может, бумажник с паспортом или даже пистолет с отпечатками его пальцев. Возможно, что-то интересное я мог бы обнаружить возле трупа девушки. Но сейчас я больше думал о другом. Этот самый труп сам по себе мог стать важной уликой против преступников, и это значило, что лихие парни могли вернуться за ним. Может, они уже покинули свою машину и возвращаются ко мне, чтобы забрать брошенное тело. Окружат меня с двух сторон, атакуют с флангов и отправят вслед за Юркой.

Не могу сказать, о чем я тогда думал больше, о собственной безопасности или о представившейся вдруг возможности расправиться с убийцей. Как бы то ни было, я разоружил Юрку – прежде всего, чтобы восполнить израсходованный боезапас, вернулся в сторожку, встал у окна с пистолетом на изготовку.

В комнате воняло бомжатиной вперемешку с густым сивушным духом. Возможно, кладбищенская администрация нарочно нанимала сторожей из деклассированной прослойки, если точнее, помойки общества. Вместо жилья – сторожка, вместо денег – паленая водка и то, что заработаешь на ночной неучтенке. Если так, то официальная зарплата уходит ясно куда... Впрочем, с этим пусть разбирается специалист по экономическим преступлениям, а такого в это громкое дело впрягут обязательно, это и без кофейной гущи понятно. А мое дело маленькое – преступников найти, взять за горло и держать в подвешенном состоянии до тех пор, пока суд не воздаст им за убийство моего друга.

Форточка в окне была наглухо закрыта, и все мои попытки открыть ее к успеху не привели. Тогда я просто разбил стекло рукоятью пистолета, вынул податливые осколки. Теперь можно было дышать полной грудью, а главное – вслушиваться в кладбищенскую тишину. Может, преступники вернутся за трупом на машине, тогда об их приближении можно будет узнать по шуму автомобильного мотора. Если они попытаются добраться до места кварталами мертвых, то я услышу хруст веток и шуршание щебня под ногами.

Но все было тихо. А вскоре на площадку перед сторожкой выехал бело-синий «Форд» с экипажем патрульно-постовой службы, а за ним – микроавтобус оперативно-следственной группы.

Только тогда я вплотную занялся гробокопателем, который по-прежнему не подавал признаков жизни.

Это был парень лет двадцати пяти – тощий, с изъеденным фурункулезом лицом. Взгляд тупой-претупой, как у клонированной овечки Долли. На сходство с бараньим племенем указывали еще и его волосы – кучерявые и свалявшиеся от грязи до плотности необработанного каракуля. А воняла от него потным некастрированным козлом.

– Как зовут?

– В-Вася... – в каком-то животном ужасе выдавил парень.

– Как же так, Вася? И друга моего убил, и девушку мою закопать хотел.

– Я... Я не убивал!

– А кто его убил?

– Н-не знаю!

– Если не знаешь, значит, ты и убил... Думаешь, в тюрьме хорошо будет – постель чистую дадут, макаронами накормят? Так не доживешь ты до тюрьмы. Ты же сотрудника милиции убил!

– У-у-у! – скулящим воем отозвался он. – Не убивал!

– А кто убил?

– Ну, там стреляли...

– Кто приезжал? Кто деньги тебе дал?

– Не мне!

– А кому?

– Сашка деньги брал... Убили Сашку-у-у-у...

– Кто деньги ему дал? Как их зовут? Откуда они?

– Не знаю... Сашка знает... знал... а я не-е-е!..

– Откуда ты знаешь, что Сашка их знал?

– Рыжий позвонил, он там на воротах, он их пропустил... Он Сашке позвонил, сказал, что Шрам едет...

– Кто едет?! Шрам?!

– Ну да, Сашка его так назвал... Он, говорит, недавно хоронил одну девку... А я здесь с прошлой недели... Я ничего не знаю...

– А почему Шрам? Кто его так называет? Все или только Сашка?

– Я не знаю. Рыжий сказал, что Шрам. Сашке сказал, а Сашка мне...

Я думал о том, что эта кличка, возможно, и не была приметой, через которую по оперативным каналам можно было выйти на преступника. Рыжий мог придумать ее сам, для внутреннего, так сказать, пользования. Но в то же время эта кличка была характерна для парня в бейсболке. Слишком уж изуродован рубцами его подбородок, который сам по себе мог служить особой приметой...

– А Рыжий тоже девку закапывал?

– А-а... не знаю! – мотнул головой гробокопатель. – Может быть, он уже здесь давно...

– Ну, посиди пока здесь.

Я стремительно вышел из помещения и на крыльце нос к носу столкнулся с Олегом Семирядновым. Молодое дарование двадцати семи лет от роду – уже майор, но еще пока не начальник следственной части нашего РОВД, хотя назначение на эту должность – дело уже почти решенное.

Короткая командирская прическа, холеное лицо с по-юношески нежной кожей; резкие черты лица в гармонии с мягкой, но себе на уме улыбкой. Глаза светлые, взгляд открытый –

как огромный лиман с чистой, но мелкой водой, под которой скрывался толстый и темный слой ила. Спортивного вида, подтянутый, с отличной строевой выправкой. Форма сидела на нем идеально, как будто мундир шился не абы где, а в кремлевском ателье. Грязь ли на улице, снег ли с минеральной солью – брюки на нем всегда идеально чистые, наглаженные, и туфли надраены чуть ли не до зеркального блеска. При нем неизменно была кожаная папка, с которой он обращался с таким изяществом, с каким франт крутил бы тросточку с золотым набалдашником.

Я как-то заметил, что по положению этой папки можно было судить о настроении Олега. Если он растерян и не знает, как себя вести, то папка закрывает живот. Если она под мышкой, значит, он готов действовать быстро и с огоньком. Если болтается, зажатая в двух пальцах, значит, настроен он романтически и любая женщина, что проходила мимо него, могла быть облагодетельствована изысканным комплиментом. Что-что, а говорить Олег умел.

Он и сейчас был наглажен и начищен. И папку свою он держал в одной руке, прижимая ее к бедру. Это указывало на его решимость повернуть следствие в правильном направлении, но в то же время просматривалась и некая неуверенность, потому что папка находилась на такой высоте, что ею тотчас можно было закрыть живот. И то, что при моем внезапном появлении Семиряднов не перевел этот свой психологический барьер в защитное положение, свидетельствовало о крепости его нервов. Он же не сразу сообразил, что это я выскочил ему навстречу. Должен был испугаться, закрыться для внешней и внутренней защиты... А может, он просто не успел растормозиться, чтобы привести себя в боевое состояние...

– Петрович, ты?!

Я был на семь лет старше Олега, и стаж работы в органах у меня посолидней, но это ничуть не мешало ему обращаться ко мне на «ты». «Выкал» он мне, пока ходил в лейтенантах, а получив четвертую звездочку на погоны, распоясался. Скоро и большая звезда подоспела, тут уж я ему даже не ровня. Подумаешь, какой-то капитан из уголовного розыска...

Я бы, конечно, мог заставить его уважать свой возраст – для этого достаточно было вплотную пообщаться с ним на татами в зале служебно-боевой подготовки. Но тогда бы могло показаться, что я завидую ему. Ведь он уже майор, а я все еще капитан, хотя уже и старший опер.

А то, что он обратился к моей скромной персоне по фамилии, меня и вовсе не поколебало... Именно по фамилии, а не только по отчеству. Петрович я. Обычная славянская фамилия, особо распространенная в Болгарии там, Сербии, Хорватии. Но я-то типично русский человек из сибирской глубинки. И зовут меня не Иванко, а Иван. Отчество – Петрович. Ну и фамилия... Такой вот каламбурчик мои предки в генеалогическом древе устроили. Впрочем, я не в обиде, как раз наоборот. Это же так душевно – Петрович.

В ответ на его возглас я лишь с горькой насмешкой повел уголком губ. Ну, конечно же, это был я, а не мой призрак. Потому что я жив. Чего не скажешь о моем друге Юрке.

– Ты что здесь, прячешься?

Олег был типичным карьеристом. И педантичный, и пунктуальный, и каблуками щелкнуть знает кому и когда. Начальники таких службистов любят, привечают, ставят в пример тем, кто старается держаться в тени. Ну и к очередным званиям досрочно представляют... Но как бы то ни было, дураком Семирядова можно было назвать только из зависти к его быстрым карьерным успехам. Как следователь, он отличался проницательным умом и оперативной хваткой. Палец такому в дело не клади – вмиг задактилоскопирует и запротоколирует... Вот и сейчас он точно определил, что я делал в сторожке... Но ведь я не только там прятался.

– Работу со свидетелем провожу, – отчитался я.

Олег был сейчас старше меня не только по званию: как-никак начальник оперативно-следственной группы. Что бы я ни думал о нем, он имел полное право распоряжаться моим оперативным ресурсом. Да я, в общем-то, и не отказывался ему подчиняться. Гордость у меня была, но к начальству я держал ее лицом, а не задницей.

– А сам ты разве не свидетель?.. – нахмурился Олег. И тут же жестко спросил: – Что здесь произошло? Почему Стеклов убит?

В струнку я вытягиваться, разумеется, не стал, но внутренне собрался и, не вникая в подробности, рассказал о случившемся.

– Значит, покойников здесь сторожили? – с виду добродушно, с фирменной своей мягко-покладистой улыбкой спросил Семиряднов.

– Мы их не сторожили, мы их принимали.

– Я видел труп женщины.

– Красивой и молодой женщины, – уточнил я.

– Купальник на ней странный.

– В таких обычно стриптиз танцуют.

– Где?

– Ну, не на кладбище же.

– Я не про то, стриптиз можно и дома танцевать, и в клубе.

– Не знаю, не пробовал – ни там, ни сям...

Олегу не понравилась эта колючка, но фирменная улыбка не сползла с его губ.

– А может, она здесь, на кладбище танцевала? – неспроста предположил он.

– Да, для нас с Юркой... Не пойму, в какую сторону ты дуешь, майор? Машину надо искать, минивэн...

– Этим занимаются... Но был ли мальчик?

– Был. Один мальчик уехал, другой появился, – с намеком на возраст Олега сказал я.

Семиряднов сделал вид, что не заметил этого. И, приложив указательный палец к своему подбородку, изобразил глубокое раздумье.

– Мальчики уехали, а девочка осталась...

– И надо выяснить, что это за мальчики... Один сторож мертв, другой ничего не знает, но есть еще третий – Рыжий его зовут, он в будке у ворот должен быть. Он к вам не выходил, когда вы заезжали?

– Никто не выходил, – покачал головой Олег. – И ворота нараспашку...

– Я схожу, гляну... А вы тут осторожно, мало ли что.

– Это ты о чем? – насторожился Олег.

– Наши мальчики давно уже вышли из нежного возраста. И оружие у них серьезное, и тактическая выучка...

Я обозрел пространство перед собой. Оцепление уже выставлено – четыре человека из патрульно-постовой службы, двое из них с автоматами. Семиряднов был без оружия, но с ним Вадим Агранов, оперативник из нашего уголовного розыска – хороший парень и неплохой стрелок. Судмедэксперт и криминалист не в счет: дело они делают большое, но в случае нападения толку от них не будет. И все равно расклад сил явно в нашу пользу. Одни автоматчики чего стоят...

– Вряд ли они сюда сунутся, – продолжал я. – Но факт остается фактом – это особо опасные преступники, и от них можно всего ожидать. И голыми руками их не взять...

– Поживем – увидим, – пожал плечами Олег и направился к трупу Юрки Стеклова.

По пути остановился, опасливо осмотрелся по сторонам. Я усмехнулся в ус. Не хочет он умирать молодым. Молодой, ранний, впереди блестящая карьера, жена, говорят, красавица... А над кладбищем нависает предрассветная мгла, и ветер жутко шелестит в кронах

столетних лип – будто напоминает, что жизнь такая хрупкая вещь, что за ней непременно следует вечная смерть.

Я и сам невольно поежился, когда оказался на аллее, по которой на площадку перед сторожкой въезжал мини-вэн с преступниками. Вот здесь, в проход между двумя могильными оградками, возможно, и был сброшен человек в прикрытие. Он мог спрятаться за мраморным памятником с ангелом, над которым свесило свое крыло плакучая ива. Сторожка отсюда просматривалась хорошо – можно было вести прицельную стрельбу.

Крыло у ивы, образно говоря, было. А вот у ангела крыло почему-то отсутствовало. Похоже, кто-то сломал его, отбил чем-то тяжелым.

Я шагнул к памятнику, неосторожно ступив на сухую ветку. В кладбищенской тишине треск прозвучал, как выстрел, и я вздрогнул. Замер, прислушиваясь к тишине, хотя уже знал, кто ее нарушил. Осторожно продолжил путь, приблизился к памятнику, лучом фонарика осветил фигурку ангела и снова вздрогнул, чувствуя, как покрывается мурашками кожа вдоль позвоночника. Мало того, что крыло у херувима было отбито, маленькая его головка с мраморными кучеряшками была залита кровью. Грешным делом, я решил, что это кровоточит каменная рана. Но, собравшись духом, понял, что кровь принадлежала живому человеку. И крыло сбито не камнем или еще чем-то вроде того, а пулей.

Я даже мог сказать, что пуля пистолетная. Более того, из какого именно оружия она выпущена. Потому что ангел пострадал от моей руки. Стрелял я в человека, а попал в него. Но вместе с тем я, видимо, ранил и самого автоматчика – или пулей, или осколком крыла. Судя по высоте, с которой на памятник брызнула кровь, я мог отстрелить преступнику кусок уха.

Я обследовал памятник и пространство вокруг него. Имя Шепетько Владислава Федоровича мне ни о чем не говорило, временной промежуток, в котором он жил, тоже, поэтому я не стал особо рассматривать лицо на фото. Но тщательно осмотрел могильную плиту, палисадничек вокруг нее. Ошметок уха – если он был – я не обнаружил, зато нашел россыпь гильз от пистолета «макаров». Значит, автомат отпадал. Выходило, неизвестный вел огонь из пистолета-пулемета. Или «Бизон», или «ПП-93» – что конкретно, установят эксперты. А мне нужно было двигаться дальше, чтобы добраться до некоего Рыжего.

Его я нашел под кустом сирени между створкой распахнутых ворот и будкой из некрашенной вагонки. Вернее, сначала я нашел его пыльные туфли со стертыми каблуками и сбитыми носками. От них тянулись ноги в грязных и рваных не по моде джинсах, далее – задранная на животе клетчатая рубашка, затем простреленная голова под копной рыжих волос – жирных и грязных, похожих на паклю. И совсем не обязательно было слать запрос в небесную справочную, чтобы узнать, кто упокоил сторожа. Ясно, что Шрам со своей компанией постарался. И наверняка на обратном пути...

Глава 2

Я не видел Стеньку Разина вживую, да и с его портретами как-то не приходилось сталкиваться. Я не знал, как он выглядит, но в моем представлении он был сильной личностью с могучей статью и бунтарским духом, созвучной со знаменитой раскатисто-гудящей песней «Из-за острова на стрежень...». И еще я почему-то думал, что на него похож начальник нашего РОВД полковник Гнутьев, такой же буйный, грозный и рычащий.

Стенька Разин в свое время утопил персидскую княжну, а полковник Гнутьев топил меня, но не в реке, а в глазах моего непосредственного начальника майора Марцева.

– Ну и какого лешего его понесло на это чертово кладбище? – ревел он, примериваясь кулаком к столешнице, чтобы посильней и погромче опустить его.

На кладбище понесло только меня, Юрка здесь как бы и ни при чем. Впрочем, я и не думал оправдываться. Может, мертвые и не имут сраму, но валить вину на покойного друга я не мог. К тому же, как давно и не только мной замечено, начальство предпочитает живых стрелочников.

Гнутьев обращался к Марцеву, нарочно игнорируя меня. Как будто меня здесь не было, а он сам знал все и без моих объяснений.

– Галку он хотел словить, а поймал глухаря!

Я грустно склонил голову набок. Слов не было, чтобы спорить с начальством. Да никто и не требовал от меня объяснений, как будто и без этого было ясно, что убийство капитана Стеклова останется нераскрытым. Во всяком случае, до министерской проверки, которая ожидалась со дня на день.

– Хотели как лучше, – развел руками Марцев.

Начальник у меня что надо. Невысокий, худощавый, даже неказистый на вид, в рукопашном бою так себе, но крепости его духа я мог только завидовать. И за подчиненных всегда горой; может, потому к сорока годам до майора только и дослужился.

– Как лучше! Нам теперь голову снимут за это «как всегда»! И твою в первую очередь! Твоя самодеятельность, тебе за нее и отвечать!

– Но ведь правильно все было сделано. И труп нашли, и преступников почти задержали.

– Почти! – взвыл Гнутьев. – Нет такого слова «почти»! Это приложение для убогих!.. И припарка для задницы!.. Капитан милиции погиб! Капитан! Милиции!

– Стеклов исполнял свой долг, – в унисон с моими мыслями сказал начальник уголовного розыска. – И мы должны найти его убийц. Это дело не должно стать глухарем.

– Да это понятно! – успокаиваясь, кивнул Гнутьев.

И все-таки он хлопнул по столу, но не кулаком, а раскрытой ладонью.

– Да и какой тут глухарь, когда столько улик? – воспользовался поддержкой я.

– Сколько? – хмуро, исподлобья посмотрел на меня начальник РОВД.

– Номер и марка машины, гильзы от орудия убийства, труп девушки, материалы для дактилоскопической и трассологической экспертизы. Субъективный портрет одного из предполагаемых преступников, наконец...

– Портрет есть, – кивнул Гнутьев. И тут же мотнул головой: – А преступника нет! То же и с машиной – номер есть, а ее самой нету!

– Да, но установлен владелец автомобиля, – веским аргументом отозвался Марцев.

– Кто?

Яков Леонидович без суеты раскрыл свой ежедневник, глянул в записи.

– Берестов Николай Трофимович, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения, место регистрации...

– Не надо мне место регистрации, – мотнул головой Гнутьев. – Мне нужна причастность его к убийству. А ее нет! Машина была в угоне! А у самого Берестова железное алиби... Ну, не знаю, насколько оно железное, но алиби...

– Алиби есть, – кивнул Марцев. – Но машину в угон не подавали.

– Потому что вчера вечером она стояла во дворе дома, а ночью ее уже не было. Берестов был, а машина тю-тю...

– Насчет того, была ли она вчера вечером на месте, надо еще выяснить. И вообще, надо бы вплотную поработать с этим Берестовым. Может, преступники пользовались его машиной по доверенности, может, он как-то с ними связан...

– Вот и работайте!

– Работаем. И по нему работаем, и по человеку с условной кличкой Шрам.

– И каковы результаты?

– Пока никаких, – покачал головой Марцев. – По показаниям капитана Петровича составлен комбинационный портрет предполагаемого преступника, в ориентировку включены особые приметы – шрам на подбородке...

– И что?

– Ничего. По нашим картотекам этот человек не числится – идентификацию личности пока не произвели. Послушаем, что барабаны скажут...

Марцев имел в виду агентурную сеть, работа с ключевыми звеньями которой по нашей теме пока не началась: не было возможности объять все быстро и разом.

– Давай, давай, – приободрил его Гнутьев. – Город у нас хоть и большой, но личность, скажу я вам, запоминающаяся – раз увидел, уже не забудешь...

– На памятнике, за которым скрывался убийца Стеклова, обнаружены жировые отпечатки пальцев, – продолжал Марцев. – Возможно, что-то обнаружится и на гильзах, эксперты с этим работают. И это помимо того, что мы взяли образцы оставленной на памятнике крови...

– Кровь – это, конечно, хорошо. Но хотелось бы поскорей найти тело, которое она питала.

– Всему свое время... Да, и еще жировые отпечатки обнаружили на босоножках покойной девушки. И это не ее пальчики...

– А ее пальчики по картотеке пробили?

– Да.

– И что?

– Ничего. Не приводилась, не привлекалась... В общем, ее личность пока не установили.

– Плохо, очень плохо...

– Мы работаем, думаю, скоро будет результат...

– Не надо думать. Мне нужна твоя уверенность, Яша, – запанибратски обратился к Марцеву начальник РОВД, – мне нужен результат.

– Будет, все будет. Ночами спать не будем, а убийцу найдем, – заверил его тот.

Бессонные ночи ему еще только предстояли, а я уже успел хлебнуть. Вчерашнюю ночь провел на кладбище, сегодняшнюю проведу в позе безлошадного и бесплужного пахаря. Есть такой способ добывать улики – носом землю роешь, да еще на полной скорости. Забава, скажу вам, не для малодушных.

Вторая половина дня, очередная бессонная ночь еще только надвигалась, а мне уже хотелось спать. Полковник Гнутьев смог взбодрить меня начальственными плюхами, но в кабинете майора Марцева, пока он копошился в своем сейфе, я клюнул носом и едва не воткнулся им в стол.

– Да, наломали вы дров, Петрович, – сказал Яков Леонидович, усаживаясь в кресло.

Я хотел сказать пару нервных слов в свое оправдание, но Марцев махнул рукой. Дескать, пустое. Все правильно, дело нужно делать, а не разговоры городить... Эх, поспать бы часок.

– Одинцов звонил, к нам едет.

Я недовольно скривился, и, как оказалось, не зря.

– Тебя допросить хочет, – добавил начальник.

Следователь Одинцов представлял городскую прокуратуру, и ему было поручено дело, оперативным обеспечением которого мы уже фактически занимались. Мужик он, может, и неплохой, но нудный и дотошный. Наверняка на допрос часа два-три уйдет, а время сейчас на вес золота. Именно поэтому еще и не готово сочинение на тему, как я провел ночь на кладбище.

– Боюсь, как бы ты не заснул, – усмехнулся Марцев.

– Это запросто, – кивнул я.

– Вот я и думаю, езжай-ка ты на улицу Белинского и сам допроси гражданина Берестова... Не нравятся мне сказочки, которые он плетет. Машина в угоне, сам весь в белом...

Я и сам подозревал, что Берестов мог быть связан со Шрамом. Может, преступники действительно ездили по доверенности, которую он им выписал...

– На улицу Белинского?! А почему не на Советских Космонавтов?

На этой улице располагалось здание РОВД Центрального округа с изолятором временного содержания на нулевом этаже. Именно там и должен был, по моему мнению, находиться сейчас гражданин Берестов со всеми своими алиби.

– Да потому что не забросили его в космос, – развел руками Марцев. – Ракетноноситель слишком добрым оказался.

– И кто у нас ракетноноситель?

– Ну, кто, кто – майор Семиряднов. Он с ним работал. Не нашел оснований для содержания под стражей...

– Странно, – в раздумье покачал я головой. – Он же должен понимать, что дело непростое. Убийство сотрудника милиции как-никак...

– Ты, Петрович, можешь пойти к Семиряднову, но не советую выяснять с ним отношения. Он же тебе целый курс лекций по уголовно-процессуальному кодексу прочтет...

Что-что, а язык у Олега подвешен хорошо, да еще красный диплом об окончании юридической академии – загружать он умеет под завязку. Бодаться с ним на словах – делодохлое, только время терять.

– Легче на Белинского съездить, – заключил Яков Леонидович.

– Город у нас действительно большой, – вспомнил я слова полковника Гнутьева.

А о том, что машина у меня на ладан дышит, умолчал. Изжила свой век моя бедная «Тойота», в любой момент могла умереть от инфаркта карбюратора или от инсульта топливной системы. К тому же артрит ходовой части мог меня подвести...

Но все закончилось благополучно. Если не считать, что сама дорога убила без малого полтора часа моторесурса из последних, как я считал, резервов. Именно столько я добирался до улицы Белинского. А будь майор Семиряднов поумней, до Берестова я бы добрался всего за три минуты. Вернее, мне бы его самого доставили в кабинет из изолятора временного содержания.

Я остановил машину во дворе высотного дома, вплотную припарковав ее к новенькому джипу «БМВ» серебристого цвета. Дверь открывал осторожно, чтобы не задеть стоящее рядом авто, но, видимо, его хозяин не оценил моих стараний.

Он стремительно приближался ко мне со стороны подъезда, размахивая руками. Толстый напыщенный болван с лысой головой и сильно вытянутой вперед носовой частью, отчего его лицо напоминало свиное рыло.

– Ты куда свой металлолом поставил? – срывающимся на фальцет голосом спросил он. – Ты что, не видишь, здесь машина стоит! Ты хоть знаешь, сколько она стоит?

– Жлоб, – сказал я тихо с видом психиатра, который ставит диагноз запущенному пациенту.

Мне вовсе не хотелось объяснять этому самовлюбленному типу, что мне плевать и на его машину, и на него самого. Если он считает, что круче меня, потому что богаче живет, пусть я буду в его глазах лохом. Только вот наезжать на меня не надо. Я человек добрый, но могу и кулак почесать.

– Что ты сказал?!

Невоспитанный толстяк в гневе протянул ко мне короткие руки, чтобы схватить за грудки. Но в последний момент струхнул и просто уложил мне их на плечи, несильно прижав пальцы к мышцам моей шеи.

Или он сам по себе был трусоват, или на него подействовал мой внушительный, в общем-то, вид – метр восемьдесят рост, и в плечах бог не обидел. Ну, и голова у меня тоже лысая, вернее, обритая, отчего и без того мощный на вид лоб мог показаться таранной частью боевой галеры. А боднуть я мог очень даже больно.

– Будь, говорю, проще, – тем же тоном сказал я, резким движением скинув его руки со своих плеч. – И люди к тебе душой потянутся, а не кулаком... В морду хочешь?

– Да ты хоть знаешь, кто я такой? – истерично взвыл жлоб.

– И знать не хочу. А в морду дам. Если не свалишь.

– Твое счастье, что рука у меня болит!.. Да я тебя одной левой!..

Он снова попытался схватить меня за грудки, но так же, как и в прошлый раз, оставил это намерение. Его сведенные судорогой ладони снова коснулись моих плеч, и это вывело меня из себя. Бить его я не стал – просто толкнул в грудь.

Веса в нем было не меньше ста килограмм, но даже несильный толчок смог сдвинуть его с места. Он подался назад, споткнулся о тротуарный бордюр и в попытке восстановить равновесие влез на середину клумбы под окнами дома. И в это время откуда-то сверху раздался чей-то истошный вопль.

Я высоко задрал голову и увидел барахтающегося в воздухе человека. Он отчаянно махал руками в тщетной попытке остановить свободный полет, но сила тяжести неумолимо тащила его вниз и, как мне показалось, прямо на толстяка. Тот уже обрел равновесие, но пока еще не сообразил, какая опасность угрожает его жлобскому существованию.

Он два раза пытался схватить меня за грудки, но так и не смог этого сделать. Зато я без всяких тормозов цепко взял его за лацканы пиджака.

– Да я! Тебя!..

Если толстяк взывал на меня кары небесные, то в самую пору самому было выходить из-под их удара. Сам он этого сделать не мог – в силу, а точнее, в бессилии своей физической и умственной немоги. Поэтому я, схватив его за грудки, с силой потянул на себя. Шаг назад и в сторону, инерционный проброс жертвы мимо себя... Подножку я ставить не стал: и не хотел, и времени на это не оставалось.

Толстяк вылетел с газона на тротуар. Я не видел, как он врезался в передок своего джипа, но услышал гулкий шлепок, с каким он обнял капот машины. Спустя мгновение под визг сработавшей сирены на то место, с которого я только что сдернул жлоба, на газонную траву глухо шмякнулась жертва свободного падения.

Сила тяжести – это наше все. Без нее человек не смог бы ходить, выращивать хлеб, строить и созидать. Да что там – без всемирного тяготения человечество в один мах превратилось бы в многомиллиардное летающее стадо, нас бы пачками уносило в радиоактивную ледяную мглу космоса. Сила тяжести для нас – больше чем друг. Но в то же время она страшней, чем самый лютый враг. Достаточно было увидеть, как безжалостно шарахнула

она о землю тело несчастного. Этот ужасный хруст костей, звук, с которым в один миг лопнули его внутренности.

– Ничего себе покурить вышел, – растерянно пробормотал я и непроизвольно провел рукой по своей лысине, как будто прилаживал вздыбленные волосы.

Человек безжизненно лежал на боку. Одна рука отброшена в сторону, другая примята телом, левая нога сломана была так, что на месте колени, пронизав ткань трикотажных треников, торчала сломанная и окровавленная кость. Скрученная с шейных позвонков голова была вывернута за спину; из уха под смятую нижнюю половину лица струйкой стекала кровь.

А за спиной продолжала выть сигнализация. И до толстяка только-только стала доходить суть происходящего.

– Да я... Тебя...

Возмущение в его всхлипах становился все жиже, а страх – все гуще.

– Это что такое? – жалко пробормотал он.

Я даже не теплился желанием объяснить ему, кто сейчас мог распластанно лежать под этим, отнюдь не легковесным, телом. И времени на это не было, и язык присох к нёбу.

Я еще не знал, что за человек разбился насмерть на моих глазах, но рука инстинктивно полезла под куртку, один палец рефлекторно щелкнул с кобуры ремешок фиксатора, два других подцепили рукоять пистолета. И только когда «макаров» со всей основательностью лег в мою ладонь, я догадался задрать вверх голову и посмотреть, откуда этот человек мог вылететь.

Двенадцать этажей, одиннадцать балконов надо мной. Первую полудюжину можно отбрасывать смело. Разумеется, в лепешку можно разбиться и с высоты седьмого этажа, но я видел, с какой высоты летел доморощенный Икар. Сейчас, наспех проанализировав кадры из оперативной памяти, я мог сказать, что это был как минимум девятый этаж... А гражданин Берестов, кстати сказать, жил в сорок второй квартире. А это десятый или даже одиннадцатый этаж...

Гражданин Берестов!

– Эй, ты чего? – пугливо шарахнулся от меня толстяк.

Наверное, я выглядел устрашающе. В глазах вспыхнули проблесковые маячки милицейской сирены, взрывная энергия швырнула меня в сторону подъездной двери, а чего стоил звонкий лязг, с каким я передернул затвор пистолета. Впрочем, сейчас мне было абсолютно все равно, как реагирует на меня жлоб. Лишь бы только в спину не выстрелил, что вряд ли...

Но все же мне пришлось вернуться к нему. Дверь в подъезд была закрыта на замок, открыть который можно было только с помощью кода или ключа «Тайч-Мемори».

– Иди сюда, придурок! – гаркнул я в его сторону.

Можно было наставить на толстяка ствол пистолета, но, в отличие от него самого, в своем собственном разумении я слыл человеком воспитанным, поэтому предъявил ему служебное удостоверение, и даже в развернутом виде.

– Капитан Петрович! Уголовный розыск!

Красные корочки подействовали на него, как солнечный свет на упыря-вампира. В горстку пепла он не превратился и даже лицо не стал закрывать, но к своей машине испуганно попятился.

– Дверь, говорю, открой!

– Я... Я не могу... – отступая, растерянно мотнул головой толстяк. – Я не знаю, как...

Я мог бы нагнать его, хорошенько тряхнуть, чтобы вытрусить из него страх. Но какой в том толк, если у него нет ключей от дверей?

Вопрос, что делает он во дворе чужого для него дома, мне в тот момент в голову не приходил. Возможно, я бы и задался им, если бы дверь вдруг не открылась изнутри. Мимо

меня гордо пробежал пуделек в клетчатой жилетке, за ним, вперевалку ступая, прошла грузная женщина лет пятидесяти.

Я не стал ждать, когда собачница заметит труп своего соседа. Если надо будет, я пообщаюсь с ней позже, а сейчас мне нужно было спешить наверх, в квартиру, которую столь нехарактерным для людей способом только что покинул жилец. Или, вернее, нежилец.

Сколько помню себя, всегда занимался спортом. Гимнастика, бокс, самбо. Уважал тяжелую, но терпеть не мог легкую атлетику, а если точнее, то все, что связано с бегом. На татами, на ринге с дыхалкой все в порядке, а начинаю бежать, все – как будто сердце из груди вынимают. То же самое и с преодолением высоты. Горный туризм – пожалуйста, здесь я как рыба в воде. Но стоит мне начать восхождение на время, дыхалка начинает хватать меня за горло и тащить вниз. И сейчас я бы мог забраться на двенадцатый этаж пешком, но только медленно, не торопясь. Но беда в том, что нужно было спешить, и мне пришлось делать над собой усилие, чтобы не соблазниться лифтом.

По своему и чужому опыту я знал, что наемные убийцы, читай, профессионалы, как правило, не пользуются лифтом, покидая место преступления. Именно поэтому и боролся с самим собой, один за другим и быстро преодолевая маршевые пролеты. Задача усложнялась тем, что мне приходилось глушить тяжелое дыхание, чтобы оно глухим пыхтеньем не прорывалось наружу. И еще часть энергии уходила на то, чтобы смягчать мою поступь.

Я шел тихо, хотя уже на восьмом этаже мне стало казаться, что сердце чересчур уж шумно бьется в груди. Именно в это время откуда-то сверху послышались торопливые шаги. Судя по их частоте, навстречу мне спускались два человека.

На какое-то мгновение я замер, а затем быстро и бесшумно, как мне хотелось бы думать, спустился на площадку восьмого этажа. Притаившись в сумеречном пятачке меж двумя квартирами, навел пистолет на лестничный пролет, по которому вот-вот должны были проследовать двое.

Они были уже на площадке между восьмым и девятым этажом, когда послышался сигнал, с каким портативная рация сообщает о поступлении вызова. И тут же мое ухо уловило характерный щелчок и шипение в эфире. Затем я услышал и голос:

– Да... Мент?! Понял!

А голос знакомый. Если я не ошибался, то в нескольких метрах от меня находился тот самый Шрам, за которым я и охотился. От предстартового волнения спина у меня покрылась «гусиной кожей», лоб слегка взмок, но ладонь, которая сжимала рукоять пистолета, оставалась сухой – верный признак, что с моими нервами все в порядке.

В тот момент мне было все равно, кто предупредил преступников об опасности. Но мне очень не понравилось, что они повернули назад. Я мог бы дождаться, когда они пройдут мимо, покажут мне спины, тогда можно было бы задержать их самому или как минимум поставить к стенке и держать на прицеле до прибытия наряда. Но ситуация изменилась, и теперь я вынужден был покинуть нагретое гнездышко и вылететь вслед за стервятниками.

Я старался двигаться бесшумно, но преступники уже были настороже, и седьмое чувство, которым они могли меня запеленговать, было у них обострено. И оружием, увы, они успели ошестиниться.

Первым мое появление заметил парень в джинсовой куртке с бритой головой и тонкой косичкой на затылке. Он прижимал пистолет к своему левому боку. И, учув опасность, лишь чуть-чуть развернулся ко мне и выстрелил, пробив пулей полу собственной куртки. Вышло очень эффектно, как в кино, а у меня не было семи реактивных двигателей, которые вмиг могли бы отбросить меня в сторону, прочь от траектории полета пули. Но красивый выстрел сам по себе оказался неточным. Стрелок промазал, и пуля завихрилась воздушный поток у меня над ухом.

Но следующий выстрел мог оказаться гораздо более удачным. И чтобы его пресечь, я вынужден был нажать на спусковой крючок.

Я чувствовал, что ствол моего пистолета убойно смотрит в цель. К тому же у меня просто не было времени, чтобы опустить его. Да и глупо было в моей ситуации метить в ноги. В данной ситуации от смерти меня мог спасти только выстрел на поражение. И я произвел его...

Пуля попала точно в затылок. Но я не стал смотреть, как падает вниз срезанная выстрелом косичка. Все мое внимание было привлечено к Шраму, который уже выводил на меня руку с пистолетом. Он не собирался пытаться судьбу эффектным, но не эффективным выстрелом от бедра. Он опережал меня, поэтому мог позволить себе вогнать в меня пулю наверняка с более удобного положения.

Шрам развернулся ко мне лицом, и пистолет, как положено, держал в правой руке. Но именно это и могло меня сейчас спасти. Перила лестницы мешали ему быстро сместить руку вправо, а у меня как раз была возможность перескочить через них, сменить один лестничный марш на другой.

Я нырком перебросил руки и голову через перила, скользнул по ним животом, проваливаясь вниз.левой рукой зацепился за нижнюю поперечину железных прутьев, к которым они крепились. Теперь я мог быстро перебросить через себя ноги, в кульбите встать на них.

Я смог исполнить этот трюк. Но под грохот выстрела и с пулевой пробойной в икроножной мышце. К счастью, я не успел испугаться и внушить себе, что эта рана должна парализовать ногу. Поэтому без помех перекувыркнулся через плечо, забросив обе ноги на верхние ступеньки следующего марша.

С точки зрения комфорта положение мое нельзя было назвать хорошим. Раненая нога вклинилась в теснину между железной полосой нижней поперечины и верхним срезом ступени. Здоровая нога была задрана вверх так, что со стороны могло показаться, будто я тщетно пытаюсь почесать пяткой себе за ухом. Нижняя часть туловища при этом лежала на боку, а верхняя – на спине. Голова находилась на лестничной площадке, а локоть правой руки опирался на ступеньку следующего вверх по высоте марша. Лежать было жуть как неудобно, зато в правой моей руке находился пистолет, а краем глаза я худо-бедно мог видеть площадку восьмого этажа. Именно там и появился Шрам.

Он явно не ожидал, что я смогу так быстро вывести свой пистолет на линию огня. И потому оказался в шкуре охотника, который с дробовиком гнался за подстреленной уткой, а напоролся на матерого секача, несущегося прямо на него.

Он тоже мог стрелять, но я первым нажал на спусковой крючок. И мне чертовски повезло, потому что пуля попала преступнику в правый бок, отчего руку с пистолетом повело резко вверх, и последующий затем ответный выстрел не причинил мне никакого вреда.

Я снова нажал на спуск и на этот раз прострелил парню коленную чашечку. Свирепая боль скрутила его в графский вензель и заставила выронить пистолет.

Мне осталось только собрать части своего тела в единое целое, подойти к раненому преступнику и, уложив на живот, защелкнуть на его руках стальные браслеты. Признаться, сделать это было нелегко, поскольку парень извивался подо мной, как глист на зеркале микроскопа, а сила у него в руках ощущалась зверская.

Я справился с одним преступником и подошел к другому, который, по моим предположениям, не мог оказать сопротивления. Он действительно был мертв и лежал, уткнувшись лицом в бетонную ступеньку. Кровь из-под его головы вязко стекала с лестницы и уже залила ему грудь. Что ж, а ля гер ком а ля гер.

Возможно, это был тот самый тип, который на кладбище вытаскивал из мини-вэна труп девушки. Если так, то где-то недалеко должен был быть еще и третий, тот, который застрел-

лил Юрку. Возможно, он находился где-то в машине во дворе дома. Видимо, он заметил, как я махал корочками перед лицом невоспитанного толстяка, поэтому и смог предупредить своих. Правда, сделал он это поздноватое, но тем не менее... Может, он до сих пор находится внизу... Кстати, я мог связаться с ним прямо сейчас.

Я подошел к Шраму, обыскал его, вынул из кармана куртки рацию, спустился на лестничный пролет вниз, чтобы не слышать, как он скулит, и вышел в эфир.

– Давай сюда, мента прибрать надо, – хрипящим голосом сказал я.

Сейчас должен был последовать вопрос, что у меня с голосом. Я готовился ответить, что меня ранили, но в эфире стояла тишина. Одно из двух – или преступник отключил рацию, или не купился на мою уловку.

Я должен был спуститься вниз, обследовать близлежащие машины, но где гарантия, что при этом я не нарвусь на бандитскую пулю? И если в руках у преступника снова окажется автоматическое оружие, тогда мне точно придется отправиться вслед за Юркой. К тому же у меня разболелась раненая нога, и мне нужно было заняться ею, пока я не истек кровью.

Но сначала я связался со своим начальником, в нескольких словах обрисовал ситуацию и с небрежностью красующегося ковбоя сообщил, что Шрам обезврежен и взят с поличным.

Я задрал штанину, пальцами нащупал входное отверстие и тут же выходное. Оказывается, пуля прошла навывлет. И кровоточила рана не очень. Как всякий уважающий себя опер, я всегда имел при себе носовой платок, чтобы, например, вещественное доказательство в него бережно завернуть, если, конечно, размеры позволяли. Поскольку ничего такого за последнее время класть в платок мне не приходилось, а сопливостью я не страдал, то был он относительно чистым. Его я и наложил на рану, а сверху обмотал ногу собственной футболкой – несвежей, увы, и потной.

Нога разболелась еще больше, стала опухать, но, как бы то ни было, первую помощь я себе оказал. И теперь мог взяться за Шрама, который также истекал кровью.

Для начала я перевернул его на спину. Парень уже не скулил. И смотрел на меня, до крови закусив губу. Взгляд страшный, ненавидящий, из самых глубин черной души.

Я снял с пояса кожаный ремень, сложив его вдвое, хлопнул себе по ладони. И взглядом показал на простреленную коленку, из которой толчками струилась кровь. О ране в боку я тогда почему-то не думал; может, потому, что лилось из нее не так сильно.

– Могу жгут наложить. А могу и не наложить. Будешь со мной дружить – выживешь, нет – сдохнешь... Кто ты такой, как зовут?

Я – мент, и мою дружбу можно было купить всего-то за чистосердечное признание. Но парень не хотел этого понимать. И молча смотрел на меня, пытаясь насадить мою волю на вилы своего пристального взгляда.

Тогда я еще раз, более тщательно, обыскал его, но так и не нашел никаких документов. Даже телефона при нем не было. Только пистолет, запасная обойма и квадратик презерватива в маленьком кармане джинсов.

– Это ты правильно делаешь, – сказал я, бросив упакованную резинку в карман своей куртки. – А то залетит какая-то бедняжка, родит потом такого же уродца, как ты...

Мне нужно было пронять задержанного, разозлить его, разговорить, но тот плотно сжимал губы, пытаясь прожечь меня взглядом.

– Один уже залетел, – продолжал я. – По твоей милости. С десятого этажа на землю. Берестов его фамилия. Друг твой, да?

Шрам упорно молчал, и злиться начал я.

– А хочешь, я тебе вторую коленку прострелю? И скажу, что так и было...

Я приставил ствол пистолета к здоровой коленке, и парень дернулся, как будто я уже выстрелил в него. Страх перед болью сильно потряхнул его изнутри, но не вытряс ни единого

слова. Я мог бы подумать, что имею дело с глухонемым, если бы никогда не слышал его голос.

– А могу и в первую пальнуть!

Я изобразил садистское возбуждение и навел пистолет на простреленную уже коленку. Шрам в ужасе зажмурил глаза. Он очень боялся боли, но при этом продолжал играть в молчанку.

– Считаю до трех... Два... Будешь ты говорить или нет?

Парень продолжал жмурить глаза, но молчал, как заливная рыба.

– Я спрашиваю, как тебя зовут?

Как об стенку горох.

– Что за девушку ты привез на кладбище?

Тишина, как в могиле.

– Ты хоть понимаешь, что ты моего друга убил! Ты хоть понимаешь, что я тебя сейчас самого пристрелю!

Шрам все понимал, но продолжал молчать.

А пристрелить его я уже не мог. За мной теперь наблюдала старушка из квартиры на восьмом этаже. Она не грозилась, не причитала, просто смотрела на меня, высунув голову из-за угла правого межквартирного отсека. Да и нельзя было убивать Шрама. Это сейчас он отмалчивается, а попадет под настоящий пресс, быстро разговорится. И то, чего не знает, вспомнит.

Майор Марцев прибыл на место вместе с оперативно-следственной группой. Осмотрел мою ногу, покачал головой и велел срочно везти меня в больницу.

– Да пустяки, как на собаке заживет.

Я крепился, но боль в ноге становилась все сильнее. И в конце концов я стал кусать губы, чтобы сдержать стон.

В больнице мне сделали обезболивающий укол, обработали рану, по науке наложили повязку и на кресле-каталке доставили в палату, где молоденькая медсестра показала мне мою кровать.

Девушка была хорошенькая, мне очень хотелось спать, и я был совсем не прочь, чтобы она нежно укрыла меня до плеч и пожелала спокойного сна. Но моя оперская душа при этом рвалась в райотдел, чтобы принять участие в допросе задержанного мною Шрама. Ведь он мог рассказать очень много интересного... Но скоро я успокоился, вспомнив, что его самого должны были доставить в больницу. Ему введут наркоз, сделают операцию, и он еще не скоро сможет говорить. К тому времени я уже буду на ногах.

Глава 3

Я махнул рукой, будто ладонью-саблей обрубал крамольную мысль.

– Эх, Лида, Лидочка, хорошая ты девушка, женился бы я на тебе, но...

– Что «но»? – с показной беспечностью и весело улыбнулась она.

Дескать, мне все равно, что ты сейчас скажешь, все равно, замуж за тебя не собираюсь... И все равно в ее глазах сквозила досада. Ей уже далеко за двадцать, а она все не замужем, и потому обидно, что никто не зовет.

Не хватало ей чего-то, чтобы найти жениха. Ростом невысокая, худенькая и хрупкая. Густые русые волосы, длинная шея, красивые кисти рук, нежная чистая кожа матового оттенка. А вот на лицо не очень – низкие надбровья, глаза выразительные, но маленькие, длинный с горбинкой нос, узкие скулы при широком выпирающем подбородке. И фигура не выдающаяся, потому как нечему там было выдаваться. Грудь плоская, как гладильная доска, халат над попкой пустой – казалось, хлопнешь рукой, будет вмятина...

Но при всех этих недостатках я смело мог назвать ее миленькой. Она была очень женственной и обаятельной, и мне нравилось ощущать ее присутствие. Был в ней ветерок очарования, и порой мне казалось, что я совсем не прочь наполнить им все свои паруса, чтобы покачаться с ней на волнах удовольствия на крепко натянутой цепи брошенного якоря.

– Не создан я для семейной жизни, Лидочка.

Я обнял ее за талию, но удержать не смог – хотя бы потому, что не пытался. Она легко и с улыбкой выскользнула из моих несмелых объятий, чуть отступила на шаг, замерла с укоризной и сомнением в глазах. Упрекала она меня за мою вольность, а колебалась в том, правильно ли сделала, что не подпустила меня к себе на опасно близкое расстояние. Или даже совсем не опасное...

– Цыганка мне нагадала, Лидочка, что не судьба мне жениться. Да я и сам знаю, что ни одна женщина не вынесет меня...

Она выразительно пожала плечиками. Похоже, она не согласилась со мной.

– Ты девушка очень хорошая. И ты бы вынесла меня, – я разудало подмигнул ей. – Но только с поля боя. А через всю жизнь – надорвешься... Да и какая у меня жизнь? С утра до ночи на службе. И если бы только это. То одни стреляют, то другие. А на днях чуть не убили... Вот скажи, Лидочка, ты хочешь быть вдовой?

– Ну и зачем вам такая жизнь?

– Это не жизнь, Лидочка. Это судьба... Ты никогда не задумывалась, почему люди становятся врачами, учителями? Зарплаты маленькие, существование нищенское, а они все равно ими становятся. Почетно? Может быть. Но дело, я скажу тебе, Лидочка, не в этом. Это предопределение свыше. Там, на небесах, у Бога все расписано, кому кем быть в этой жизни. Людей нужно учить и лечить, поэтому есть учителя и врачи. Земля большая, и на ней всегда есть то, что плохо лежит. А значит, воры были, есть и будут. Если существуют преступники, значит, должны быть менты. У нас тоже зарплаты не ахти какие, и пашем как проклятые, а все равно наше племя не переведется. Потому что, Лидочка, существует небесное распределение. Вот по нему я и попал в милицию... А ты попала сюда. И знаешь почему?

Девушка завороченно смотрела на меня, в застывших глазах какой-то восторг. И сама она как изваяние – не шелохнется.

– Э-эй! Ау!

Я провел раскрытой ладонью перед ее глазами, и она ожила.

– Заснула ты, что ли?

– Заснула?! – в легкой растерянности задумалась она. – Может, и заснула... Голос у вас какой-то убаюкивающий...

– Разве?

Голос у меня густой, низкий – настоящий мужской бас. С раскатами грома его, да, сравнивали, но чтобы убаюкивающий...

– Ваш голос на грозу похож, – сказала она. – Грохочет где-то рядом, а совсем не страшно... Я люблю слушать грозу... Вы спрашивали, почему я попала сюда? Почему?

– Почему?! – не сразу включился я. – Да потому что, Лидочка, есть вооруженные преступники, и если они стреляют в сотрудников милиции, значит, кто-то должен перевязывать им, бедным, раны, лечить, заботиться о них...

– О ком о них, о преступниках?

Лидочка всего лишь пыталась поймать меня на оговорке, и не ее вина, что гусарская бравада слетела с меня, как папаха с убитого казака.

– Ну да, и преступников тоже лечить надо, – вспомнив Шрама, нахмурился я. – Сначала лечить, а потом к стенке...

– А что, сразу к стенке нельзя? Или это не гуманно?

– Да меня гуманность мало волнует... Преступника сначала допросить надо, всю правду из него выбить, а потом уж на виселицу. И так вздернуть, чтобы он больше никогда земли ногами не касался...

Мне очень хотелось знать, кто сунул в петлю ту самую несчастную девушку с кладбища, чью личность пока не установили... А может, уже и установили. Что, если Шрам уже пришел в себя и дал показания?..

– Что-то не так? – спросила сестра, встревоженно всматриваясь в мое лицо. – Вам плохо?

– Нет, Лидочка, мне не плохо. Мне очень плохо... Как думаешь, я уже могу ходить?

Не дожидаясь ответа, я поднялся с кресла и самовольно сделал несколько шагов по процедурной. Вес тела я старался держать здоровой ногой, а на больной нагружать только передние мышцы голени. И все равно было неприятно. Но тем не менее боль не скрутила меня в бараний рог, и на ногах я удержался. Даже мог идти дальше. Но Лидочка с возмущением подкатила кресло сзади так, что я не смог устоять и сел в него.

– С ума сошли!

Она села передо мной на корточки, уложила раненую ногу себе на бедро и шустро распеленала ее.

– Точно, сумасшедший!

– Что там? – спросил я, когда она осмотрела рану.

– Да вроде ничего, нормально все, – неуверенно пожала она плечиками.

– Значит, я могу ходить, и мне за это ничего не будет?

– Куда ходить?

– Человека одного допросить.

– Какого человека?

– Арестованного... Они моего друга убили, Лидочка. Я должен убийцу найти...

– Но я ничем не могу вам помочь. Я могу вас только в палату отвезти...

– А мне, Лидочка, ничего больше и не надо, – кивнул я.

Одежда моя висела на рогатой вешалке, накрытая для порядка больничной простыней. Соседи по палате ничего не скажут: им все равно, куда я подался. И врачи меня не удержат, если вдруг встретятся на пути.

Но по пути мне попался мой начальник. Лидочка только везла меня в палату, когда он сквозняком прошуршал мимо нас. Халат на нем развевался, как чапаевская бурка.

– Яков Леонидович!

– Петрович! – сумбурно обрадовался он.

И сунул мне в руки пакет с апельсинами.

- А кефир? – в шутку спросил я.
- Может, лучше клизму? – в том же духе отозвался он.
- А есть за что?
- Вряд ли...

Марцев перенял у Лидочки каталку, сам отвез меня в палату. С кресла я встал без его помощи, сам перебрался на койку.

- Да ты уже как новенький, – улыбнулся начальник.
- Новенький на старых болтах. Но ехать точно могу...
- Куда?
- Шрама надо допросить... Или права не имею?

В конце концов, я задержал этого ублюдка, и кому, как не мне, им заниматься? Пусть только кто скажет, что это не так!

- Да, право ты, конечно, имеешь, – замялся Марцев.

Мне очень не понравилось выражение его лица. Обычно с такой миной предвещают две новости – одну плохую, другую не лучше.

- Что случилось?
- Нет больше Шрама, – развел руками Яков Леонидович. – Вчера ночью умер в больнице.
- Сам умер?
- Не вышел из наркоза.
- Не вышел или не позволили выйти?
- Не знаю, может, кто-то и добавил морфия. Но все чисто, никто ничего не видел.
- Не видел или не искали тех, кто мог что-то видеть...
- И не искали, – кивнул Марцев. – И ты сам должен понимать, почему.

Конечно же, я все понимал. Искать убийцу в данном случае – только новое дело возбуждать на месте старого. Тогда глухарь будет скакать на глухаре и глухарем погонять, и попробуй тогда их всех догнать. Гораздо проще списать смерть преступника на естественные причины, а на его труп повесить одинокого глухаря.

- На него Юрку списали? – потухшим голосом спросил я.
- Нет, на того, которого ты застрелил... На Шрама как спишешь, если ты его задержать пытался, когда в Стеклова стреляли? А тот мог находиться в засаде...
- Да нет, скорей всего, он находился в тот момент рядом со Шрамом... И вообще, почему Шрам? Личность его установили?
- Нет. Некому этим заниматься, ты же в больнице, – совсем невесело отшутился начальник.

- А если серьезно?
- Ни его не установили, ни этого...
- А девушка?

– Ну, мы же не совсем профаны... Танцовщица из ночного клуба «Эдельвейс», Зуйко Татьяна Борисовна, восемьдесят шестого года рождения. Проживает... Проживала в Днепропетровске, гражданка Украины...

Мне как-то не приходилось бывать в этом клубе. Слишком злые там цены, месячной зарплаты, говорят, не хватит, чтобы ночку там прожечь. Но также говорят, что траты стоят того. Казино там и ресторан, танцпол с навороченными диджеями и зажигательным стриптизом. Размах такой, что все остальные клубы и рядом не стоят, даже вместе взятые. Очень высокий уровень по всем показателям, и публика там соответствующая – золотая молодежь, братва, стареющие толстосумы с длинноногими присосками... Если где могла танцевать такая красotka, как Таня Зуйко, так это только в «Эдельвейсе». Даже удивительно, почему я сразу так не подумал.

- Эка ее откуда к нам занесло... Чем же она перед хозяевами провинилась?
- Перед хозяевами?! А почему именно перед хозяевами?.. Администратор заведения утверждает, что в ту ночь Зуйко в заведении не было. Позвонила из дома, сказала, что заболела, ей дали отгул, причем заслуженный...
- Чем заслуженный?
- А тем, что кого-то накануне подменяла... А может, и тем, чем ты подумал, – пренебрежительно хмыкнул Марцев. – Девушка она красивая, а подмахнуть для нее дело нехитрое. К тому же наркотики в ее крови нашли.
- Наркотики?! Какие?
- Эксперт затрудняется пока сказать. Похоже на экстази, но не то... Да и не в том суть.
- А в чем?
- В том, что Зуйко была девушкой легкого поведения. Может, потому она и взяла отгул, что работка на стороне подвернулась. Провела ночь со Шрамом и его дружками, а он отплатил ей за это черной неблагодарностью...
- Как он мог с ней познакомиться?
- Да очень просто. Увидел в клубе, заплатил за приват, договорился о личной встрече, она приехала к нему домой, ну а дальше ты знаешь...
- В клубе увидел? А что, фейс-контроль это подтверждает?
- Да нет, не видели таких, – пожал плечами начальник.
- Ну, видели не видели – дело десятое. И смерть Зуйко на них, с этим я спорить не собираюсь. А вот кто Юрку убил? Их как минимум трое было, и кто из них в Юрку стрелял?.. Не на того Юрку списали, не на того. Я убийцу подранил слегка, там кровь на памятнике, а тот целый был, ну, пока я его не упокоил... И отпечатки пальцев на памятнике были. Это его отпечатки?
- Нет, не его, – покачал головой Марцев. – И анализ ДНК еще не готов... Но это еще ничего не значит. Может, там за памятником двое стояли, в одного ты попал, а в другого – нет...
- А стволов там сколько было? Что баллистическая экспертиза показывает?.. Да и не нужна экспертиза: я сам слышал, что стрелок один был...
- Стрелял один, а другой мог просто рядом стоять... Этого другого ты и подранил...
- Эх, Леонидыч, белыми нитками дело шьем.
- А ты думаешь, я этого не понимаю?.. Из ГУВД начальство всполошилось, сказали, что дело закрывать надо. Дескать, убийцы найдены, а то, что погибли при задержании, так это, так сказать, издержки производства... Да, кстати, тебя, возможно, к ордену представят...
- Да плевать я хотел на орден. Юрка погиб, а его убийца отделался легким испугом. Юрка в земле лежать будет, а эта мразь эту самую землю топтать будет. Его же даже искать не будут!
- Марцев молчал, низко опустив голову. Крыть ему было нечем. А меня распирало от злости.
- Начальство из ГУВД всполошилось, а какого, спрашивается, черта?
- Ну, это понятно. Дело поскорей закрыть и отчитаться. Дело, сам понимаешь, громкое...
- И со Стекловым громкое, и с этой Зуйко...
- Ну, с ней, скорее, частный случай.
- Это не случай, это система. Шрам не впервые труп на кладбище привез, там его знали, даже кличку дали...
- Шрама нет, он уже ответил за свои злодеяния.

– Его, может, и нет, а система осталась. Я, скажу тебе, четко отлаженная система. Берестов стал опасен – его выбросили из окна. Шрам попал к нам, и его самого убрали... Кто его убрал? Что за система за ним стоит?

– Там, где система, там организованная преступность. Пусть об этом у рубоповцев голова болит, а мы просто уголовный розыск, притом районного масштаба...

– Согласен я с тобой, Яков Леонидович, но с одной оговоркой. Эта система Юрку нашего убила. И мы должны с них спросить, иначе какие мы тогда менты?

– Начальство велело закрывать дело, – с упрямством обреченного мотнул головой Марцев.

– А вот мы возьмем и не закроем. Что в этом противозаконного?

– Мне уже сорок лет, Петрович, а я все еще майор. А мне начальника криминальной милиции предлагают, в РОВД Южного округа...

Этим было сказано все. Купили Марцева, потому и не хочет он лезть на рожон. И мог ли я его осуждать за это?.. Мог. Но не стал этого делать. Выскочка Семиряднов лет через пять уже полковником станет, а Марцев так и будет тянуть майорскую лямку начальника угро районного масштаба. А ведь ему тоже хочется большим человеком быть.

– Тебя, Петрович, на свое место рекомендовать буду, – понуро сказал майор.

– Юрка твоё место занять мог бы. А не займет, – удрученно мотнул я головой. – Потому что нет Юрки...

– Его уже не вернешь.

– Да, но его убийца на свободе разгуливать будет...

– И что ты предлагаешь? – настороженно, исподлобья посмотрел на меня Марцев.

Я бы не сказал, что Яков Леонидович упал в моих глазах. Я хорошо помнил, как он отбил меня от прокуратуры, когда мне шили неправомерное применение штатного оружия. Дело тогда до трагикурьеза доходило. Грабитель в меня стрелял из «ТТ», но в тот момент, когда его настигла моя пуля, у него в пистолете закончились патроны. Получалось, я убил безоружного человека. А откуда я тогда мог знать, что ему больше нечем стрелять? А прокурор тогда молодой был, злой, ему свежая кровь требовалась, для быстрого служебного роста. И если бы не Марцев, высосал бы меня этот вампир от юстиции.

Не то чтобы начальник меня разочаровал, но и союзника в нем я уже не видел. Поэтому и не стал делиться с ним своими соображениями.

– Ничего я не предлагаю. Нога у меня больная, лечиться мне надо. Здесь, в больнице, не хочу, а дома бы недельку отдохнуть – милое дело.

– Скажем так, отдых ты заслужил, – кивнул Марцев. – Так же, как и отпуск по болезни.

– Тогда домой меня отвези.

– А разве тебя выписали?

– Эх, стареешь ты, Яков Леонидович, – с невеселой улыбкой подмигнул ему я.

Стареть Марцев не хотел. И врачей он не боялся. Поэтому и помог мне сбежать из больницы, посадил в свою новенькую «десятку».

– С ветерком довезу.

Квартиру я получил в прошлом году, из старого фонда, зато не служебную, а в собственность. Однокомнатный вариант, как, впрочем, и полагалось холостяку.

Можно было бы оформить фиктивный брак с какой-нибудь матерью-одиночкой, тогда бы мог получить двухкомнатную квартиру, но я хоть и авантюрист по натуре, но вовсе не жлоб, чтобы хапать. Хотя меркантильные соображения, признаюсь честно, имелись: ведь одну комнату обставить гораздо легче, чем две. Был и еще один момент, который мог бы удержать меня от представленной махинации. Фиктивная жена могла предъявить законные права и на меня, и на жилье. С женщинами воевать я не люблю, поэтому, чтобы избавиться

от этой фикции, пришлось бы пожертвовать квартирой. И остался бы я бобылем на голых бобах...

А квартирка у меня знатная. Дом старый, блочная пятиэтажка хрущевской эпохи, зато выходил на набережную с разбитым на ней городским сквером. Один вид на Обь чего стоил. И воздух здесь всегда свежий, а может, и целительный. Не надо лекарств, поставлю раскладушку на балкон, и через пару дней от раны только рубец останется. Во всяком случае, хотелось в это верить.

Но в тот день я не смог добраться даже до квартиры. Марцев высадил меня возле подъезда, дальше я пошел сам. Но на пятый этаж подниматься не стал. По мобильнику вызвал такси. К тому моменту, когда машина подъехала, начальник уже убрался и не мог видеть, куда я поехал.

А понесло меня на улицу Белинского, в квартиру Берестовых, куда я так и не смог добраться в прошлый раз.

Во дворе дома на всякий случай осмотрелся. Как будто среди припаркованных здесь машин мог оказаться темно-серый мини-вэн, знакомый мне по кладбищенской истории. Но не было ничего похожего. И опасностью здесь не пахло. Женщины со своими отпрысками на детской площадке, чуть поодаль худой, костлявый, как Кощей, мужчина с грозным бультерьером на поводке, но без намордника, два пацаненка со смехом, под барабанный гул бегут по крышам гаражей. И под окнами дома все спокойно, ни единого трупа на газоне. И о недавнем происшествии ничего не напоминает.

Траурным духом повеяло на меня из квартиры, куда я стремился. Дверь мне открыла довольно-таки молодая на вид, потемневшая от горя женщина в черном платке. Бросив взгляд через ее плечо, я увидел завешанное белой тканью зеркало. В воздухе витал запах валерьянки.

Я достал из кармана удостоверение, представился:

– Капитан милиции Петрович.

– Что-то случилось? – насторожилась женщина.

– А что еще могло случиться после того, что уже произошло? Николая Трофимовича уже не вернешь, – скорбно вздохнул я.

Женщина кивнула, соглашаясь. Хотела что-то сказать, но из глаз хлынули слезы и, видимо, перехватило дыхание.

– Насколько я понимаю, вы вдова Николай Трофимовича?

Она кивнула.

– Убийцы вашего мужа наказаны.

– Я знаю, один убит, другой ранен...

– И тот, который был ранен, уже на том свете. Умер в больнице... Не думаю, что вам жаль.

– Своими бы руками иродов!..

– Может, вы пропустите меня в квартиру? А то как-то неудобно на пороге...

Женщина замаялась. Она явно не хотела пускать меня к себе в дом. Понимала, что должна была это сделать, но естество ее противилось. Видно, не из тех она людей, для кого сотрудник милиции – друг, товарищ и брат.

– Да и нога у меня болит, еле стою. Бандитская пуля. Убийц вашего мужа задерживал...

– А-а, так это вы в них стреляли! – встрепенулась женщина и распахнула передо мной дверь.

Вряд ли она хотела видеть во мне друга или брата, но, похоже, признала во мне товарища по несчастью.

От напряжения рана разнылась, нога разболелась – каждый шаг давался мне с трудом, и все же я заставил себя осмотреть всю квартиру. Три комнаты, кухня, приличный ремонт,

хорошая мебель. Скорбная тоска и мертвая тишина. На стене в зале висели часы, но секундная стрелка мертво стояла на одном месте.

– Я смотрю, время для вас остановилось, – сказал я, доковыляв до балконной двери.

– Коли нет, зачем мне время? – тоскливо пожала плечами женщина.

– А зовут вас как? – спросил я, осматривая балкон.

– Юлия Петровна.

– Ну, для Юлии Петровны ты еще молода...

Фрамуга балконного остекления открывалась легко. В этот оконный проем и выбросили тело бедняги Берестова... Может, и не в этот, может, в соседний, но уточнять я не стал. Не было смысла рисовать картину преступления. Убийца установлен, дело в связи с его гибелью закрыто. В связи с происшествием хотелось знать только одно: как преступники проникли в эту квартиру – хитростью, нахрапом или Берестов открыл им дверь, как старым друзьям?

– И Рита еще молодая, ей всего двадцать пять, – вспомнил я Юркину жену. – И так же, как и ты, осталась вдовой.

– Это вы о чем?

– О ком. О жене моего друга. Сначала преступники убили его, а потом пришли за твоим мужем. Такая вот последовательность... – я нарочно взял паузу, чтобы Юля втянулась в нее, задумалась. И неожиданно для нее хлестко спросил: – Ты их знала?

Представьте себе студента, заснувшего на лекции. Вопрос преподавателя застает его врасплох, он просыпается и отчаянно делает вид, что вовсе не спал. Именно поэтому на поставленный вопрос он отвечает быстро, скороговоркой. Если он знает ответ, то озвучит его четко, если нет – выдаст невнятную отсебятину. Главное, молчать он не станет. Сначала скажет, а потом уже подумает.

То же самое случилось и с Юлей.

– Лучше бы не знала, – не раздумывая, сказала она.

– Но ведь знала!

– Я знала? – спохватилась она. – Я не знала... Кто вам такое сказал?

– Да есть информация, – нагнал я туману.

– Но я их не знала... Даже в глаза не видела...

– Что, и следователь с тобой не беседовал, их фотографии не показывал?

– Был следователь. И фотографии показывал...

– Но ему ты не сказала, что знала их. Ему не сказала, а мне сказала.

– И вам ничего не говорила.

– Говорила, Юля, говорила. Да я и сам знаю... Дело дрянь, Юля. Они убили твоего мужа только потому, что он знал их. И машину свою на них оформил, по доверенности... По доверенности, да?

Сомкнув губы, девушка отвела в сторону взгляд. И руки на животе скрестила – защитный жест, против меня. Значит, задел я ее за живое.

– Они убили твоего мужа, могут убить и тебя. Ты, Юля, должна это понять, – наседал я.

– Как же они могут меня убить, если их уже нет? – резонно спросила она.

– Их двоих нет, а был еще и третий. И четвертый, пятый... Там целая организация, и ты должна это понимать...

– Какая организация?! Просто приехал, две ночи у нас переночевал, водку пил, – сдалась она.

– Кто приехал, кто пил?

– Ну, тот, которого сразу убили... Колька с ним на приисках познакомился.

– На каких приисках?

– Ну, золото там...

- И где эти прииски?
- Ну, где-то в Сибири.
- Мы тоже Сибирь, Юля.
- Ну, мы Западная Сибирь, а прииски дальше, – махнула она рукой на восток. – Сибирь большая. А где точно эти прииски, я не знаю...
- Название реки, места. На Колыме, может?
- Нет, он про Ангару говорил...
- Ну вот, уже точней... Значит, на приисках с ним познакомился... Что, много золота добыл?
- Да нет, немного. Но на ремонт хватило, ну, и мебель там...
- Значит, не зря золото мыл.
- Три года его не было. Мог бы и здесь эти деньги заработать... Лучше бы здесь был, чем с этим Витей...
- Значит, Витя его звали, приятеля твоего мужа... Один Витя, а другой, тот, который со шрамом, его как звали?
- Чего не знаю, того не знаю. У нас только Витя бывал...
- Коля на него доверенность выписал.
- Ну да, выписывал. Витя ему денег дал, Коля машину купил, на себя оформил, а вернул ему по доверенности...
- И на кого доверенность выписал?
- Ну, на Витю...
- А паспортные данные – фамилия, имя, отчество, год рождения, место?
- Ну да, там должно было быть. Доверенность через нотариуса выписывали.
- Далеко нотариальная контора?
- Да нет, на соседней улице... Знаете, у меня где-то копия есть...
- Юля, если ты ее найдешь, моя нога скажет тебе огромное спасибо, – взбодренно улыбнулся я.
- Что, сильно болит?
- Еле хожу.
- А чего без палочки?
- Да пока не обзавелся.
- Ну, я бы могла одолжить... – замялась женщина.
- А что, есть?
- Да Коля когда с приисков вернулся, палочка у него была. Медведь ему ногу подрал, он потому и уехал домой...

Палочку Юля нашла на балконе. Минуты за три обернулась. А с доверенностью дело затянулось.

Пока она искала копию документа, я изучил палочку вдоль и поперек. Типичная самоделка, вырезанная из листовенницы. И крепкая, и сырость ей не страшна. И отделана с душой, только вот колорит какой-то мрачный – очковая кобра обвивала палочку снизу до самого верха, капюшон ее покоился на изгибе, а раздвоенное жало тянулось до конца ручки.

За окнами уже стемнело, когда Юля наконец нашла копию доверенности. Но с такой палочкой, как эта, совсем не страшно было отправляться в ночь. Казалось, если что – сама кобра вступится за меня, смертельным зубом прокусит горло любому врагу... Конечно же, это была всего лишь иллюзия, ведь прежнего своего хозяина она от убийц не спасла...

– Жерновой Виктор Астафьевич, – прочитал я. – Семьдесят девятого года рождения, место рождения – поселок Верхние Пни, Низовский район, Иркутская область... Так, зарегистрирован там же... Значит, Верхние Пни... И что это нам дает?

– Что? – заинтригованно, как показалось мне, спросила Юля.

– Да ничего... Вот если бы знать, где он здесь обитал и с кем?.. Может, еще что-нибудь вспомнишь?

Но вспомнить она ничего не смогла. Или не захотела. Так и не узнал я, где жил и чем занимался Витя Жерновой в моем родном Черногайске.

Что-то подсказывало мне, что покойник был связан с ночным клубом «Эдельвейс» не только через стриптизершу Таню Зуйко. Но пока что в моем арсенале не было ничего такого, чем бы я мог подкрепить это предположение.

Глава 4

Палочка помогла мне существенно разгрузить простреленную мышцу, но все равно домой я еле добрался. Стиснув зубы, чтобы не вырвался стон, поднялся на пятый этаж. А там, как оказалось, меня ждал приятный сюрприз.

В тусклом свете лампочки под пыльным плафоном я увидел медсестру Лидочку. В голубой беретке, в блестящем синем плащике, в сапожках на шпильке она выглядела более привлекательно, чем в бесформенном белом халате.

– Ты за мной? – с натужной улыбкой спросил я.

Она официально строго свела брови к переносице, но было видно, что это показное. Она больше радовалась, чем сердилась.

– Как вы догадались?

– А разве я не говорил тебе, что умею читать мысли?

– И что я сейчас о вас думаю?

– То, что я поступил плохо. Для своей ноги.

– Вы поступили не плохо, вы поступили очень плохо. И я должна осмотреть вашу ногу...

Она пальцем провела по своей, весьма внушительных размеров сумке – будто собиралась нарисовать на ней красный медицинский крест. Возможно, там бинты, антисептик.

– Но тогда тебе придется пройти ко мне домой.

– А вы что, не пустите меня?

– Пущу, но с условием. Обращайся ко мне на «ты».

– Ну, я не знаю... – замялась она.

– Это должно создать иллюзию интимной обстановки.

– А вот этого не надо! – протестующе махнула она рукой.

– Что не надо, иллюзии или обстановки?..

– Вы меня смущаете.

– Сейчас повторишь... – сказал я, доставая из кармана ключи.

Открыл дверь, взял Лидочку за руку, провел ее в прихожую, помог снять плащ.

– А теперь повтори, давай: «Ты меня смущаешь»... Не «вы», а «ты»... Или я тебя уже не смущаю?

Она задорно улыбнулась, не размыкая губ, и кивком показала, чтобы я следовал в комнату. Признаться, я и сам только о том и мечтал, чтобы поскорей рухнуть в свое любимое и единственное в доме кресло.

Лидочка села передо мной на корточки, попыталась закатать штанину, но что-то у нее не заладилось. Тогда она велела мне вообще снять джинсы. И смотрела она при этом на меня так, что я сразу же проникся ответственностью момента, даже зубоскалить не стал по этому поводу.

Пока я разоблачался, она вымыла в ванной руки, вытерев их, увы, далеко не самым чистым полотенцем. Вернулась ко мне, снова склонилась над моей раненой ногой, осуждающе покачала головой, глядя на пропитавшую повязку кровь, сняла бинты.

– Убить вас мало!

– Кого «вас»? Я был один.

– Тебя убить!

– Уже лучше...

– Хорошо, хоть швы не разошлись.

На ее сумочке не было красного креста, но перевязочный материал действительно имелся. Она обработала рану, сменила повязку. И еще достала шприц, вскрыла ампулу.

- Скажи, я умру быстро или в муках? – спросил я, наблюдая за ее священнодействием.
- Типун тебе на язык!
- Типун на язык и яд в ягодицу, – с наигранной обреченностью проговорил я.
- У тебя все дома? – возмутилась она.
- В том то и дело, что дома никого нет. И никто не узнает, что это ты делала отравленный укол!
- Я не пойму, ты шутишь или нет? – напряженно посмотрела на меня Лидочка.
- Шучу. А на душе кошки скребут... Тут одному в реанимации на днях укол сделали. Не знаю, что там ему ввели, но из наркоза он не вышел...
- Кому одному?
- Да охотнику одному, который мне ногу прострелил...
- А-а!.. Так бы и сказал, а то тянешь кота за хвост!
- Кошку... Кошки на душе скребут, а не коты...
- А что, есть разница?
- Да нет, все равно, кто укол сделал, кошка или кот... Э-э, женщина или мужчина, главное – результат. Весьма печальный результат. Оборвалась ниточка. Как мне теперь узнать, кто друга моего убил?
- Не знаю... – задумалась девушка. – Не знаю, кто укол сделал...
- А что, все-таки могли сделать?
- Могли?! – встрепелась она. – Э-э, может, и могли... Я слышала про эту историю. У меня подружка в этой реанимации работает... Я с ней сегодня виделась. Она такая расстроенная была. Я спросила, что стряслось, а она мне и сказала, что преступник у них один лежал, а ночью умер. Она как раз дежурила в это время...
- Ее что, в чем-то обвиняют?
- Да нет. Но ее врач сказал, что пациент не должен был умереть... Может, и правда ему что-то вкололи. Ну, Галка так думает. Но я точно знаю, что она здесь ни при чем!
- А кто при чем?
- Ну, не знаю...
- А кто еще с твоей Галкой дежурил?
- Ну, врач был...
- Он мог укол сделать?
- В принципе, мог...
- А шишки на Галку валит?
- Да нет, вроде бы не валит, просто говорит... А может, и валит. Она в подробности не вдавалась. Спешила очень. Ее такой мужчинка ждал! – Лидочка восхищенно закатила глазки.
- Какой – такой?
- Ну, я бы не сказала, что красавчик... В меру упитанный... Или даже толстый... Но дело не в том.
- А в чем?
- Перед глазами вдруг всплыл образ толстяка, с которым у меня вышел конфликт из-за его джипа во дворе дома на Белинского. Видно, слишком уж врезался мне в память и сам инцидент, и его главный виновник.
- Машина у него крутая... – Лидочка на мгновение задумалась. – Джип!
- Какой? Случайно не «БМВ»?
- Ну да, «БМВ».
- «Икс-пятый».
- Если честно, я не разбираюсь. Но большой...
- Значит, «икс-пятый», – решил я. – Случайно не серебристого цвета?

– Ну да, серебристого, – покопавшись в памяти, кивнула девушка. И мечтательно добавила: – Он ей дверцу открыл, руку подал, в машину помог сесть... Повезло Галке. А чем она лучше меня?

Вопрос остался без ответа. Во-первых, риторический, а во-вторых, я был не в том настроении, чтобы искать на него ответ.

– А лицо у него не такое вытянутое? Нос на свиной пятак не похож? – осененный догадкой, допытывался я.

– Ну, что-то вроде того, – не очень уверенно сказала Лидочка.

Но я уже чувствовал запах добычи, готов был вгрызаться в нее зубами, грызть на части.

Только что меня терзала боль в ноге, но сейчас я готов был уже сорваться с места, чтобы немедленно ехать к некой Галке, чтобы подробно расспросить ее о человеке, с которым она уехала.

Толстяк, с которым я сцепился на улице Белинского, больше был похож на придурковатого жлоба, чем на матерого уголовника. Но в тот момент, когда Берестова выбрасывали из окна, он находился возле его дома. Спрашивается, что он там делал, если у него не было ключей от входных дверей? А как испугало его мое служебное удостоверение!.. Но даже на фоне этих странностей я бы не смог предположить, что он был третьим звеном в цепи, которая задушила Таню Зуйко и выбросила из окна Колю Берестова.

Но Лидочка открыла мне глаза.

Если свинорылый жлоб действительно знался со Шрамом, ему жизненно необходимо было избавиться от него. Чтобы его имя не попало затем в протокол допроса. Он смог извернуться ужом, выйти на Галку, которая и помогла ему избавиться от подельника...

«Твое счастье, что рука у меня болит!» – вспомнил я вдруг фразу, которую произнес он, прежде чем протянуть ко мне руки. Одной левой хотел меня сделать. Не вышло... И еще я вспомнил, как махал он руками, пытаясь восстановить равновесие после того, как я толкнул его в грудь.левой он двигал совсем не так активно, как правой... А ведь в левой руке он мог держать цевье пистолета-пулемета, направляя ствол на меня и на Юрку. И в эту руку я мог ранить его ответным выстрелом... Думал, что ухо стрелку отчекрыжил, а ведь мог просто попасть в руку, которой он опирался о крыло ангела...

А кто мог предупредить Шрама, что за ним идет мент, то есть я? Ну, конечно, свинорылый. Он малость замешкался, не сразу сообразив, что нужно выходить с ним на связь, но все же оповестил его об опасности...

Неужели этот самый толстяк и есть убийца моего друга? Ну и ну!

– С тобой все в порядке? – встревоженно спросила Лидочка.

– Не совсем... – отозвался я из глубины раздумья. – Мне бы с твоей Галкой увидеться...

– Зачем? – ревниво сощурила она глаза.

– Она красивая?

– А тебе что, только красивых подавай? – подбоченилась она.

– Толстячок наш красивых любит... – вслух подумал я. – Таня очень красивой была...

– Какая Таня?

– Твоя Галка может стать ее подругой. По несчастью... Ты хоть понимаешь, что живой он ее не отпустит!

Я и сам только что это понял... Толстяк только с виду простой и даже нелепый, но дело свое он знает. Не зря же он взялся подстраховать Шрама и Жернового. Меня убить не смог, но Юрке досталось, и сторож, который мог знать про него, тоже погиб. И Рыжего убили. Берестова выбросили из окна, самому Шраму не позволили выйти из наркоза. И что мешает толстяку со свинным рылом расправиться с Галкой, если она у него в руках?

– Лидочка, у тебя должен быть ее телефон, – рассудил я.

– Есть.

– Звони ей немедленно!

– Зачем?

Пока она искала в памяти телефон своей подружки, пока набирался номер, я в нескольких словах объяснил ей всю серьезность ситуации, в которой оказалась Галка.

– Абонент отключился или находится вне зоны доступа, – повторила за роботизированной барышней Лидочка.

– Возможно, отключился навсегда... – прокомментировал сообщение я. – Куда она с ним поехала?

– Ну, не знаю, она не говорила, – от волнения сбивчиво, но быстро ответила девушка.

– Когда это было?

– Вечером уже, я домой собиралась, мы с ней на остановке встретились...

– На остановке? То есть она собиралась уезжать на троллейбусе?

– Ну да... А потом он появился, остановился, она обрадовалась, села в машину, мне рукой помахала... Неужели все так серьезно?

– Значит, «БМВ» «икс-пять»... А номера запомнила?

– Нет...

– Черт!

Я крепко зажмурился, пытаюсь выдавить из памяти картинки со двора дома на улице Белинского. Вот я подъезжаю к «БМВ» на своей развалюхе... Я должен был глянуть на номерные знаки машины, которую мог зацепить при парковке. Должен был и, наверное, глянул. Вот перед мысленным взором встало белое пятно номерного знака. Но только белое пятно, ни единой цифры или буквы.

Еще я вспомнил, как свинорылый пяtilся к своей машине. Но здесь я и вовсе не видел номеров. Значит, задняя табличка все-таки не ускользнула от моего внимания. И память должна была зафиксировать хотя бы пару цифр или букв из шестизначной комбинации. Но тогда в какой долгий ящик она их засунула?

Было у меня такое, и не раз – сотрется из памяти какой-нибудь нужный мне элемент, а потом, через время, выскочит из дальней корзины, встанет во весь рост, раскроется во всей красе. Но зачастую это случалось, когда надобность в том уже отпадала. Хотя был случай, когда деталь, всплывшая из памяти, помогла обличить преступника. Девушка отравила отчима, но выдала это все за самоубийство. Дескать, пришел домой в расстроенных чувствах, закрылся у себя в кабинете, капнул в фужер с вином цианистого калия и выпил. Все сходилось на этой версии. Вплоть до того, что на пузырьке с цианидом были обнаружены пальчики покойного. Дело возбуждать не стали, материал сдали в архив, а потом вдруг я вспомнил фужер, из которого была выпита отрава. Фужер стоял на столе. Я сам видел это своими глазами, когда осматривал место происшествия. Видел, но не придал этому значения. А потом вдруг этот фужер внезапно всплыл перед глазами. Тогда меня и осенило. Цианистый калий – яд мгновенного действия, и самоубийца должен был умереть мгновенно. И фужер бы он выронил из рук – не смог бы поставить его на стол... Правда, падчерица в убийстве не призналась. Но суд все равно вынес обвинительный приговор...

Может, я еще и вспомню номер серебристого джипа, может, он мне приснится во сне. Но когда это случится? Свинорылый нужен был мне сейчас, немедленно.

– А где твоя Галка живет, ты знаешь? – снова набросился я на Лидочку.

– Нет, – мотнула она головой. – Мы не очень дружим, просто по медучилищу знали друг друга, ну и в больнице – привет, привет...

– Ты не знаешь, а кто знает?

– Ну, Оксанка может знать... Но у меня ее телефона нет... У Светки ее телефон есть. Но она Галку не знает...

– Давай, давай, звони своей Светке!

Лидочка, что называется, села на телефон. И раздобыла-таки Галкин адрес.

– А дальше что?

– Что-что... Надо к ней домой ехать, родителям сказать, пусть заявление пишут...

– Но ты же сам – милиция.

– Нужно уголовное дело по факту похищения заводить. А для уголовного дела нужно заявление родителей. Тогда и похитителя можно будет в розыск объявить. К тому же еще и фотография потерпевшей нужна... Пусть заявление пишут, а я дело протолкну, чтобы не застряло.

Можно было объявить в розыск саму Галку – по подозрению в убийстве. Но тогда мне пришлось бы многое объяснить начальству, которое, увы, не заинтересовано в продолжении этого дела. И вряд ли кто одобрит мою самостоятельность. А так мать напишет заявление, что какой-то человек силой затащил ее дочь в машину, Лидочка это подтвердит, даст описание свинорылого толстяка, а уж я постараюсь, чтобы этому делу дали полный ход.

Лидочка все-таки сделала мне обезболивающий укол, и мы отправились к родителям Галки. Она сделала все, как надо, в самых мрачных тонах расписала, как некий господин на серебристом «БМВ» силой затащил Галку в машину. Мать схватилась за голову, отец – за перо, под мою диктовку написал заявление, а затем отвез нас в РОВД Центрального округа.

Оперативный дежурный знал меня хорошо и без долгих объяснений принял заявление, зарегистрировал его. Родителей я оставил на первом этаже, а сам вместе с Лидочкой направился на второй, к Вадиму Агранову, который дежурил в эту ночь.

Но дверь в его кабинет была закрыта, зато из мрачных глубин следственного отдела материализовалась фигура майора Семиряднова.

– Петрович, а мне сказали, что ты в больнице!

На его губах светилась фирменная мягкая улыбка, но в голосе сквозило снисходительное ехидство. Впрочем, я уже давно привык к этой его манере обращения к тем, перед кем не нужно выслуживаться.

– Как видишь, вылечился.

– А чего тогда хромаешь?

– А это для того, майор, чтобы ты спросил... Агранов где?

– Будет скоро, отпросился. Да ты не переживай, я это дело приму. Что там, похищение?

– Да. Заявление есть, свидетели...

– Ориентировку надо составить.

– Этим я сам займусь.

– Ну, давай, а потом ко мне. Похищение – дело серьезное, чего тянуть?

Я провел Лидочку в свой кабинет, включил компьютер, в который у меня была заложена программа «Фоторобот». Сначала я сам скомбинировал портрет свинорылого, а потом уже попросил девушку поправить меня, если я что-то упустил. Но, как оказалось, я попал в яблочко, и корректировать было нечего. Человек, которого я видел на Белинского, и «Галкин мужчина» были одним и тем же лицом.

С потерпевшей было проще. Родители Галины Свирцевой передали мне фотографию с изображением дочери. Девушка была снята зимой, на фоне отцовской «девятки», в распахнутой настежь дубленке, но без шапочки, с распущенными волосами. В глазах озорной блеск, на губах задорная улыбка, бодрая с мороза, румяная. И хорошенькая... Лидочка как бы невзначай толкнула меня в плечо, заметив, что я невольно залюбовался ее подружкой.

Олег долго вертел в руках снятое с принтера изображение предполагаемого похитителя, напряженно всматривался в его скомбинированное лицо, как будто искал в нем какой-то дефект.

– Что-то не так? – настороженно спросил я.

– Да нет, все так... В розыск объявлять надо, – с большим сомнением в голосе сказал он.

– Так в чем же дело?

– Дело заводить надо.

– Так в чем же дело?

– Не все так просто... Дело, ориентировки, план «Перехват». Это тебе не бублик маком посыпать.

– Если хочешь, я сам займусь этим.

– А на каком основании? Какое отношение ты имеешь к этому делу?

Мне очень не нравилось поведение Олега. Только что он рвался в бой, а сейчас вдруг на ручник встал. С чего бы это?

– Такое... Это медсестра моя, – кивком показал я на Лидочку.

– Твоя личная? – саркастически усмехнулся Олег.

– Не дорос я еще до личной медсестры.

– Тогда выражайся поясней.

Я мог бы выразиться по всем трем этажам, но не в присутствии же дамы.

– Лида ухаживает за мной, делает уколы, перевязки. А вечером она закончила работу, вместе с подругой вышла к остановке, там все и случилось...

– Что случилось?

– Этот гражданин! – я так ткнул в лицо свинорылого, что бумага под моим пальцем с треском лопнула. – Похитил гражданку Свирцеву! И гражданка Якушева видела это!

– А родители Свирцевой это видели?

– Нет.

– Тогда почему я вижу заявление только от них. Пусть и твоя... э-э, личная медсестра напишет заявление, подробно опишет случившееся... Хотя нет...

Семиряднов неторопливо открыл ящик своего стола, так же не спеша достал оттуда новенький бланк протокола, подул на него, как будто избавлялся от канцелярской пыли.

– Товарищ капитан, если вы не возражаете, я допрошу гражданку Якушеву, – официально и на «вы» обратился он ко мне.

– Лидочка, а ну-ка выйди! – попросил я.

Девушка послушно кивнула, поднялась из-за стола и направилась к выходу.

– Гражданка Якушева! – с недобрым удивлением во взгляде окликнул ее Семиряднов. – Я вас не отпускал!

– Слышь ты, майор, не ломай комедию! – стиснув зубы, прошипел я.

– Товарищ капитан, потрудитесь обращаться на «вы» к старшему по званию!

Олег смотрел на меня пристально и с бесстрашной насмешкой. Его совершенно не пугало, что думаю о нем я и что могут подумать другие. Я мог съездить ему по физиономии, но мне вдруг показалось, что именно этого он и ждет.

– Чего вы добиваетесь, майор? – зло, через нижнюю губу спросил я.

– Правды, и только правды... Вы, капитан, сами видели, как предполагаемый преступник затаскивал в машину гражданку Свирцеву?

– Нет.

– Тогда зачем вы вмешиваетесь в это дело? – с непоколебимым спокойствием, с полной уверенностью в своей правоте спросил Семиряднов. – Возможно, у вашей медсестры личная неприязнь к гражданину, которого она сейчас пытается оговорить. Возможно, он обещал, но не женился на ней, вот она ему и мстит. Мы поднимем на ноги людей, найдем этого гражданина, и выяснится, что никого он не похищал, а гражданка Якушева злобно его оклеветала. Что тогда? Кому тогда голову с плеч? Мне! Потому что я дал ход заявлению!

Семиряднов умел убеждать с точки зрения закона. И статьи нужные в качестве аргумента приведет, и случаи из практики, но сейчас его рассуждения не выдерживали никакой критики. Потому что он и сам не верил в то, что говорил.

– Во-первых, ничего тебе не будет, – язвительно хмыкнул я. – И ты сам прекрасно это знаешь. А во-вторых, если ты так боишься за свою шкуру, скажи, почему ты не задержал гражданина Берестова?

– Кого?! – встрепнулся майор.

– Берестова! Николая Трофимовича!.. Да, у него было алиби. Да, у тебя не было оснований для его задержания. Но ты оставил его дома, и поэтому его убили, выбросили из окна.

– Что ты такое несешь? – сошел с лица Семиряднов.

– Не «ты», а «вы», щенок! – с высоты белого коня махнул шашкой я. – Из-за тебя его убили, из-за тебя! И поверь, если этот факт получит широкую огласку, на твоей карьере можно ставить крест!

– Но у него... у него было железное алиби... – подавленно пробормотал Олег.

Я внутренне ликовал, наслаждаясь его поражением. Понял черт, кто ладана на него нагнать может, страшно стало. Карьерист недоделанный!

– Алиби у него было... А еще знаешь, что у него было?

Я не хотел щадить этого выскочку, поэтому поднялся со своего места, подошел к стоящему на сейфе ксероксу, пропустил через него доверенность и копию бросил на стол следователю.

– И что это такое?

– Жерновой Виктор Астафьевич, он же убитый мною при задержании преступник. На него Берестов оформил свою машину, за что и был им же выброшен из окна... Я смог дознаться. А ты нет. Почему?

– Потому что Берестов еще тем орешком оказался, – сконфуженно повел плечами Олег. Отговорка оказалась неудачной, и я тут же дал ему это понять.

– Орешком?! Орешки колоть надо. А ты его дома оставил. Почему?

– Ну, и на старуху бывает проруха.

– Проруха!.. Молодой ты еще для прорухи!.. Напортачил ты, майор. Как расхлебывать будешь?

Семиряднов пальцами обеих рук поскреб затылок, будто вычесывал из него вшей. И обреченно махнул рукой.

– Значит, девушку, говоришь, похитили! Искать ее надо, срочно!

Олег взялся за работу с энтузиазмом, но мне показалось, что еще и с отчаянностью обреченного. Напугала его устроенная мною головомойка, не хотелось ему отвечать за прокол.

А может, и не прокол это был вовсе?..

В отделе я решил остаться до тех пор, пока ориентировки на свинорылого не разойдутся по всем постам, пока план «Перехват» не заработает в полную силу.

Лидочку я попытался отправить домой вместе с родителями пропавшей Галки, но куда там! Она оккупировала мой рабочий компьютер и залезла в Интернет. Я лег на диванчик, упокоил больную ногу. Она вызвалась осмотреть рану, но, запутавшись в Сети, забыла об этом. Плц-плц-плц, клц-клц. То на клавиатуре что-то наберет, то мышкой кликнет. Приятные звуки, тихие, убаюкивающие. А мне засыпать нельзя. Не для того я здесь. Минут через пятнадцать надо будет в дежурную часть зайти, узнать, как там движется дело...

Плц-плц-плц, клц-клц... Спать хочется. А нельзя... Забросив руку под голову, я немигающим взглядом зацепился за люстру под потолком. Три лампочки в ней. И мне, казалось бы, должно было быть до лампочки, смог Олег расколоть Берестова или нет. Но ведь он же не расколол его. И в изолятор не отправил. Почему?

Я вспомнил, как свинорылый пытался схватить меня за грудки. Жаль, что я не врезал ему тогда по физиономии. А ведь можно было и задержать его – за нападение на сотрудника милиции, находящегося при исполнении служебных обязанностей... Впрочем, вспомнил я о

нем не только потому, что мог взять его за жабры уже тогда. Покойный ныне Берестов представлял для него угрозу. А избавиться от опасного свидетеля помог ему майор Семиряднов. Вопрос, по какому он умыслу это сделал – по доброму или злому?

Едем дальше. Свинорылый снова попадает в поле моего зрения. Я пытаюсь объявить его в розыск, майор Семиряднов с готовностью берется за это дело, пока не узнает, кого именно нужно задержать. Рассмотрел физиономию на комбинационном портрете и резко изменил свое намерение. Почему?

И в том случае он сыграл на руку свинорылому, и в этом встал на его сторону. И это уже не случайность. Это закономерность. И вывод однозначный – Семиряднов знает свинорылого, более того, состоит в тайном сговоре с ним...

Возможно, сейчас он звонит своему протеже, чтобы сообщить ему об опасности.

Я вскочил с дивана, забыв о раненой ноге. Боль в голени быстро напомнила о ней, но на пятую точку опоры я опускаться не стал. Возможно, майор Семиряднов уже оповестил свинорылого, но я все равно вышел в коридор, опираясь на палочку-выручалочку, дохромал до его кабинета, дернул за ручку двери с такой силой, будто ожидал увидеть за ней вопиющую крамолу. Но кабинет был закрыт на замок. А самого Семиряднова я обнаружил в дежурной части. Оказывается, он занимался тем, для чего я и задержался в отделе. Он организовал и возглавил оперативную группу, координирующую действия в зоне поиска, и сейчас контролировал ход оперативно-розыскных мероприятий в масштабе города, самолично связывался с дежурными службами, постами, патрульно-постовыми экипажами...

Упрекнуть его, казалось бы, не в чем. Да и не мог я ни в чем его обвинить – в официальном, разумеется, порядке. Но на заметку я этого парня взял. И с мыслью о том, что надо будет понаблюдать за ним, отправился в кабинет.

Семиряднов раскрутил маховик розыскной операции – можно было бы идти домой. Но я решил прилечь, перевести дух, дать передышку мышцам ноги. Лидочка на меня не обращала внимания, настолько глубоко зарылась в Интернет. И снова эти убаюкивающие «плц-плц-плц, клц-клц»...

Я и не помню, как провалился в сон. А когда проснулся, увидел, что Лидочки в кабинете нет. Компьютер гудит, на столе стоит ее сумочка, а она отсутствует. Может, в туалет вышла... Но шло время, а девушка не появлялась.

Часы показывали десять минут четвертого ночи, когда я отправился на поиски пропавшей без вести. Сначала я услышал ее приглушенный смех, а затем определил, что доносится он из кабинета Семиряднова.

Олег сидел в кресле, откинув голову назад и сунув руки в карманы брюк. Китель нараспашку, верхняя пуговица на рубашке расстегнута, ослабленный галстук сдвинут чуть в сторону. В глазах живой блеск, на щеках румянец, на столе – ополовиненная бутылка коньяка.

Лидочка тоже была тепленькая. И две верхние пуговицы на блузке были расстегнуты – хотя вряд ли мужской рукой. Похоже, до этого дело не дошло, хотя, возможно, к этому двигалось. В одной руке она держала пустой стакан, в пальцах другой дымилась дамская сигарета. Увидев меня, она смутилась, повела глазами в поисках пепельницы.

– О! Петрович! – запанибратски поприветствовал меня Олег. – А у нас тут допрос.

– С пытками или без? – мрачно и без желания пошутил я.

– Ну, это как Лидочка захочет! – развеселился Семиряднов.

– Я не захочу! – потушив сигарету, мотнула она головой. – И не допрос это...

– Ну как же не допрос! – бравурно изобразил удивление Олег. – Ты мне все про свою подругу рассказала...

– Что ты ему рассказала? – настороженно спросил я.

– А чего ты так разволновался, капитан? – с виду беспечно, но явно себе на уме спросил Семиряднов.

– Да ничего, просто поздно уже. Лидочке завтра на работу... Или нет?

– Не завтра, а уже сегодня, – робко поправила меня девушка.

– Тебе, Петрович, постельный режим прописан. Почему не соблюдаешь? – шутливым тоном, но, похоже, всерьез попенял мне Олег.

– Работа у меня, парень, такая, – сказал я, взяв Лидочку под руку.

– У всех работа.

– Вот и работай, а нам пора...

После случая на улице Белинского меня отправили в больницу, а мою многострадальную «Тойоту» – на служебную парковку перед зданием нашего РОВД. Мне стоило немалых сил доковылять до нее, и не хотелось, чтобы они были потрачены впустую. Если машина не заведется, придется выходить на дорогу, ловить такси. А Лидочка садилась в салон уверенно, даже не подозревая, насколько хрупок его микромир.

– Что ты ему про Галку рассказала? – спросил я, с опаской вставляя ключ в замок зажигания.

– Ну, ничего такого... – пожала она плечами. – Он спрашивал, я отвечала.

– Что ты отвечала?

– Ну, что Галку еще с училища знаю...

– Что кавалер у нее на джипе появился, да?

– Ну да... То есть нет... То есть я не говорила, что этого кавалера мы сейчас ищем...

– А Семиряднов не дурак, он догадается.

– О чем догадается?

Я разговаривал не с ней, а с самим собой. Поэтому в ответ отчаянно махнул рукой. Дескать, не твое дело... И с тем же отчаянием провернул ключ в замочной скважине. Стартер со скрежетом крутанул маховик двигателя, искра зажигания робко воспламенила бензиновый впрыск в одном цилиндре, более смело перескочила в следующий... Мотор завелся – машина могла ехать. Хоть какое-то приятное впечатление за эту ночь.

Я выехал на ночную улицу. Ощущение радости схлынуло, сравнявшись с банальным восприятием того, что автомобиль исправно везет меня по городу. И вместе с тем я почувствовал нарастающую тревогу. Семиряднов действительно не дурак, он поймет, что свиновый впрыск нужен мне вовсе не потому, что похитил девушку... Но что за этим последует? Судя по тому, с какой легкостью толстяк избавлялся от свидетелей, мне могла угрожать опасность.

– Он про Галку не много спрашивал, – сказала Лидочка. – Он больше про тебя спрашивал.

– И что, интересно, он мог про меня спрашивать?

– Ну, про ногу, как рана, серьезная или так. Сказал, что ты лучший опер в городе, что таких людей беречь надо...

– Ага, и за мое здоровье полбутылки скушали, так я понимаю?

– Ну, коньяк хороший, – замялась Лидочка.

– Я так почему-то и подумал... Тебя домой отвезти?

– Ну, нет! Я уже сказала, что у подруги ночую!

– А где подруга живет? – насмешливо спросил я.

– Ты – моя подруга... То есть я хотела сказать...

– А ты ничего не говори. Подруга так подруга...

Когда я привез Лидочку к себе домой, часы показывали начало пятого утра. Над городом брезжил рассвет, а у меня смеркалось в сознании – так хотелось спать. А еще нужно было расстелить постель – себе на полу, Лидочке на диване.

Но ее такой вариант не устроил.

– Ты у нас больной, поэтому будешь спать на диване, – заявила она.

– А как же половая жизнь? – с трудом ворохнул языком я.

– Что?! – со вспышкой возмущения отозвалась она.

Вспышка на то и вспышка, чтобы мгновенно погаснуть.

– Ну, если ты хочешь, я могу лечь рядом...

Возможно, она покраснела, так говоря, но я не мог этого видеть, потому что сидел в кресле с закрытыми глазами. В принципе, мне и здесь было неплохо. Но если Лидочка решила лечь со мной рядом, то лучше поскорей перебраться на диван. В конце концов, я не монах и не меньшевик в плане секса. И она давно уже не девочка. Словом, если природа требует своего, то почему я должен отмахиваться от нее руками?

– Я имел в виду, что спать на полу – это и есть половая жизнь.

– Ну, тогда я могу лечь на полу, – судя по голосу, смутилась Лидочка.

– Значит, половой жизнью будешь заниматься ты... А я буду просто спать...

– Ну и спи!.. Где у тебя белье?

– Там все, – показал я на платяной шкаф в гарнитурной стенке.

Я слышал, как открылась дверца, как зашуршали простыни в руках у Лидочки. Но этот звук окончательно меня ублажал.

Разбудила меня боль в ноге. Я открыл глаза и в рассветных сумерках увидел склонившуюся надо мной девушку. Она меняла повязку, хотя вряд ли это было сейчас нужно.

– А теперь спать, – сказала она, закончив перевязку.

– С кем?

– Можешь со мной.

– А могу?

– Этого я не знаю...

Если она хотела спровоцировать меня на демонстрацию моих возможностей, то ей это удалось. Я взял ее за руку, притянул к себе, усадил себе на колени. Прошептал ей на ухо, что засыпаю первым, и языком коснулся мочки ее маленького и, как оказалось, сладкого на вкус ушка. Лидочка выдохнула из себя одобрительный звук и, откинув назад голову, шумно задышала.

Как женщина, она с удовольствием отдала мне инициативу. Но как медсестра перехватила ее, стоило мне только шевельнуть ногой, чтобы с ней на руках подняться в полный рост. Она не забыла о своей обязанности заботиться обо мне, поэтому сама спорхнула с моих колен, помогла подняться и, когда я рухнул на расправленную постель, оседлала меня.

– Мне кажется, ты должна мне сделать искусственное дыхание, – прошептал я.

– Именно это я и собираюсь сделать, – так же тихо отозвалась она.

Сначала она сняла с меня рубашку – видимо, для того, чтобы мне легче было дышать. Затем стащила с меня брюки – видно, решила, что излишки в одежде закрывают чакры, через которые должна поступать ко мне укрепляющая энергия из космоса. Она и сама разделась, чтобы открыть свою карму. Потом через рот вдохнула в меня силу своей камасутры, после чего более детально взялась за мою прану. Разумеется, возражать я не стал...

Я уже и не стремился к покою, но когда диван перестал скрипеть, покой все же казался мне долгожданным. Тишина раннего утра, душевное и телесное умиротворение. Но вместе с тем я ощутил и боль в ноге.

– Может, сделать обезболивающий? – спросила Лидочка.

Казалось, она прочла мои мысли.

– Ну, можно, – кивнул я.

Она сделала мне укол, и я тут же с удовольствием провалился в глубокий сон.

Глава 5

Каменный ангел взмахнул крыльями, но взлететь не смог. Зато разбудил меня, так сладко спавшего в обнимку с памятником.

Я сразу понял, что нахожусь на кладбище. На пару с Юркой я выслеживал гробокопателей, но, увы, впустую. С рассветом Стеклов махнул рукой и ушел домой, а я остался здесь, потому что сильно хотелось спать.

Но спал я, видно, недолго. Небо как было чуть светлым, таким и осталось. Ночь уже закончилась, но утро еще не началось. Время, когда покойники возвращаются из само-волки...

Ветер шумно зашуршал в кустах сирени, пышно раскинувшихся справа от меня. Но странно, над головой ни дуновения, на осиновом дереве, что стояло рядом со мной, ни единый листик не шелохнется. Или не ветер это вовсе?

Я посмотрел вправо и физически ощутил, как душа уходит в пятки. Потяжелели ступни ног, онемели – не поднять мне тела с надгробья, не убежать. А Шрам со своим дружком Жерновым шли прямо на меня. У одного кровавая рана в боку и зияющая дыра в том месте, где была коленка, у другого на тонком сосуде, свисая к подбородку, болтается выбитый глаз. Они шли, как зомби, ничего не замечая перед собой. И прошли в каких-то нескольких сантиметрах от меня, едва не задев носилками, на которых танцевала стриптизерша Таня Зуйко. Она крутилась на никелированном шесте, на верху которого, на Г-образной перекладине была закреплена веревка с петлей на хрупкой девичьей шее. Увидев меня, она беззвучно засмеялась и, спрыгнув с шеста, повисла на веревке.

Первым под землю провалился Шрам, за ним исчезли и все остальные. Но тут же на это место с высоты птичьего полета шлепнулось обезображенное тело Коли Берестова. Непонятно откуда появился вдруг майор Семиряднов в отутюженной форме, со своей неизменной папкой в руках. Он сел на корточки рядом с трупом, положил папку себе на колени и принялся что-то записывать карандашом. Увидев меня, он удивленно спросил, какого черта я здесь делаю.

«Я думал, ты с Лидочкой, – сказал он дребезжащим голосом, каким говорят актеры в кино с аномально плохой озвучкой. – Ты бы шел к ней, а то ведь и она здесь будет».

Я не хотел, чтобы Лидочка оказалась обитателем кладбища, поэтому дернулся. И проснулся.

Это был всего лишь кошмарный сон, и тем не менее на лбу от пережитого выступила испарина. И дыхание тяжелое, сбитое, как будто три километра пробежал.

Первым делом я попытался обнаружить Лидочку, но ее половина дивана была пуста, а в квартире угнетающе тикала тишина. Стрелки на часах указывали половину седьмого. Уже утро, а у Лидочки работа. Как же она, бедная, без сна?

Я протянул руку к телефону, лежавшему на журнальном столике за изголовьем, выудил из памяти ее номер, связался с ней. И облегченно вздохнул, услышав «алло» в ее исполнении.

– Ты где? – за строгостью в голосе я попытался скрыть нахлынувшую радость.

– Уже возвращаюсь. К тебе... Если ты хочешь, – спохватилась она.

– Хочу, конечно... А почему возвращаешься? Что, на работу не надо?

– Как это не надо. Я уже отработала...

– Так утро же!

– Здрасьте, ваше величество! Вечер уже... Ах, да! Извини, забыла предупредить. Я тебе снотворное вколола. И вместо обезболивающего, и чтобы спал крепко. А то знаю я тебя!

– Что ты знаешь?

– Что тебе на месте не сидится. А у тебя нога, между прочим...

Надо сказать, снотворное подействовало на меня благотворно: я чувствовал, что хорошо выпался, и нога совершенно не болела.

– Ты заслуживаешь прощения, – великодушно изрек я. – Так что давай быстрее, буду отпускать тебе грехи.

– У тебя хорошее настроение, – весело заметила она.

– Потому что я выпался.

– Олег так и сказал, что тебе нужно хорошо выспаться, – ошарашила меня Лидочка.

– Олег?!

– Ну да... То есть майор... э-э... забыла фамилию.

– Семиряднов?

– Да не важно...

– Он сказал тебе, чтобы ты мне снотворное вколола? – в недобром предчувствии спросил я.

– Ну, он, да, говорил. Но у меня своя голова на плечах. Если бы я не знала, что тебе надо...

– Ты сейчас где? – всполошенно спросил я.

– На остановке. Минут через сорок буду у тебя.

– Приедешь, жди меня на остановке, я тебя встречу, – решил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.